

Н. ВАЛЕНТИНОВ

**ДОКТРИНА
ПРАВОВОГО КОММУНИЗМА**

Издательство ЦОПЭ

Н. ВАЛЕНТИНОВ

**ДОКТРИНА
ПРАВОГО КОММУНИЗМА**

**1924-1926 годы в истории
советского государства**

**Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)**

Мюнхен

1960

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Исторические параллели всегда условны, — тем не менее, черты сходства в двух исторических событиях или периодах могут быть поучительными и служить уроком. Такой урок содержится в предлагаемой читателю брошюре «Доктрина правого коммунизма».

После смерти Ленина коммунистическая партия Советского Союза попала в полосу длительного кризиса, главной особенностью которого было возникновение острой борьбы между различными группировками. Оставшись без общепризнанного вождя, руководители партии растерялись, не имея авторитетного мнения: как продолжать управление страной? Как в ней «строить социализм»? И кто именно будет руководить этим «строительством»? — вопросы личных притязаний во внутрипартийной борьбе играли огромную, а в некоторых случаях — у Сталина, Троцкого, — и решающую роль.

И прежде в КПСС [тогда еще РКП и ВКП(б)] были раздоры и споры, возникали оппозиции, — все же при Ленине дело до непримиримой борьбы и открытых расколов, с преследованием противников вплоть до расстрелов, заключения в политизоляторы и концлагеря, не доходило. После смерти Ленина усмирения партии, установления в ней так называемого «идейного и морально-политического единства», Сталину удалось добиться только через большой промежуток времени и только с помощью жесточайшего террора. Но всецело подчинив себе партию и страну и установив свою единоличную диктатуру, Сталин не разрешил этим кризиса: он лишь, как говорят в некоторых случаях болезни, этот кризис «загнал внутрь».

После смерти Сталина обстановка во многом была другой. Из еще неоправившейся после первой мировой и гражданской войн и лет военного коммунизма Россия вновь стала могущественной страной; партия давно уже пронизала весь огромный аппарат ее управления и партийное руководство безраздельно властвовало над ней, во всех областях жизни. И люди в партии, включая ее руководителей, давно были другими. Но могущественная страна, «построившая социализм», оставалась «колоссом на глиняных ногах». Подавляющее большинство ее населения, — колхозное крестьянство, рядовые рабочие, мелкие служащие, многомиллионная масса заключенных концлагерей, — влачило жалкое существование и рассчитывать на «трудовой энтузиазм» этого населения не приходилось и не приходится. Закрепощенное,

обюрокращенное народное хозяйство, несмотря на успехи в гипертрофированной тяжелой промышленности, мстило и мстит неизживаемыми «неполадками», дефицитностью, постоянным товарным голодом. И всю страну, как символ полицейского управления ею, опутывали щупальцы непомерно разбухшего аппарата МГБ, который Сталин крепко держал в своих руках, как самое надежное средство своего властвования.

Любопытна одна деталь. Когда умер Ленин, компартия еще не обладала такой властью над нашей страной, как в день смерти Сталина. В стране еще оставались большие силы, не совсем подчиненные партии: интеллигенция была еще «не добита», как потом при Сталине; крестьянство еще свободно вело свое хозяйство, были свободные ремесленники, нэпманы и т. д. При Сталине никаких свободных сил и деятельности не осталось, все было жестоко подчинено «руководящей воле партии». Казалось бы, в этих условиях руководители партии должны были бы ощущать себя всеильными властелинами. Но этого не было. Следующий факт подтверждает это: в дни смерти и похорон Ленина призывов «сохранять спокойствие» и «не поддаваться панике» ленинские наследники к населению не обращали и войск в столицу не вызывали. Видимо, они были уверены, что смерть Ленина не будет поводом для антипартийных восстаний и беспорядков, хотя, повторяем, тогда еще оставались свободные силы, не подчиненные партии. После смерти Сталина получилось иначе: прежде всего, сталинские наследники не спешили опубликовать сообщение, что диктатора больше нет. Затем они принялись уговаривать население, чтобы оно «сохраняло спокойствие», «не поддавалось панике», говоря, что причин для «растерянности» нет, — в то же время в Москву была введена масса войск и столица цепями танков была разделена на ряд районов. Фактически, вся страна несколько дней была на военном положении.

Следовательно, наследники Сталина, хорошо зная настроения населения, не считали, что оно охотно признает их власть над собой. Ничего похожего в дни смерти и похорон Ленина не было. Но и обстановка была другой: тогда население жило более или менее благополучно, в условиях НЭПа, — теперь оно было задавлено «построенным социализмом».

Поэтому трудно было бы говорить, что руководство КПСС после смерти Сталина находилось в более лучшем состоянии и чувствовало себя более крепко стоящим у власти, чем после смерти Ленина. Вернее утверждать, что его растерянность и незнание, как дальше управлять страной и какие меры надо принять, чтобы смягчить настроения населения, для сохранения своего строя и власти, были сильнее и острее, чем после смерти Ленина.

В узкой группке наскоро объединившегося «коллективного руководства» с логической неизбежностью сразу же возникла острая борьба. Первым полетел один из «верных соратников» — Берия; по-

том пришла очередь Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина; опять начались чистки и перестановки, не окончившиеся до сих пор. Всячески лавируя между разными группами, Хрущев старался подобрать «верных из верных», создавая свое собственное «морально-политическое единство», — но недавно и некоторые из его ставленников с самого верха были «спущены на низовку».

В изменившейся обстановке борьба проходит несколько иначе, чем в двадцатых годах. Тогда, в частности, она велась более открыто, выступления ее участников публиковались в газетах и печать могла откровеннее обсуждать вопросы, вызывавшие борьбу. Теперь она имеет более скрытый, закулисный характер; ее участники вышколены («дисциплинированы»), и уровень их несравним с уровнем руководителей партии двадцатых годов. В какой-то мере и поэтому она еще более имеет вид борьбы между «вождями», а не идеями, и мы узнаем больше о результатах одной или другой схватки, чем об идейном и фактическом содержании этих схваток.

И все же мы видим, что и сейчас дело в этой борьбе идет о важнейших вопросах жизни нашей страны, примерно так же, как и в двадцатых годах, во время формирования и выдвижения на первый план «доктрины правого коммунизма», о которой говорится в этой брошюре. Тогда, как и теперь, перед участниками борьбы, среди других, были такие основные вопросы: откуда и каким путем брать накопления, необходимые для развития народного хозяйства? Как, в связи с этим, надо вести это хозяйство? На какие силы в населении следует опираться, в какой форме и мере надо предоставить им инициативу? Эти и подобные им вопросы, в условиях коммунистического властвования, остаются решающими в жизни нашего народа.

Создатели «доктрины правого коммунизма» исходили, отвечая на эти вопросы, из соображений того же «строительства социализма в одной стране», по-своему толкуя ленинский «кооперативный план». Но они при этом учитывали не только реальное положение в стране, ее экономическое состояние и требования дальнейшего развития: они считались и с желаниями и потребностями населения, тогда как другие группировки в компартии совершенно игнорировали эти потребности и исходили лишь из партийных догм и своих вождельений. Правые тоже хотели «строить социализм» и они отнюдь не желали отказываться от власти партии, от «диктатуры пролетариата», оставаясь, как пишет автор брошюры, в плену партийной фразеологии. Но кроме этой фразеологии, партийной догматики, они видели и реальную жизнь и настаивали на необходимости использования свободной инициативы населения; они были против насильственных мер, против террора, против методов военного коммунизма, которые составили главное оружие в арсенале сталинизма.

Зная ужасный опыт следующего, сталинского периода жизни нашей страны, даже отвергая «доктрину правого коммунизма» можно утверждать, что подавляющее большинство населения предпочло бы

«правых коммунистов», если бы оно могло выбирать между ними, левыми коммунистами и троцкистами. Используя идеи и предложения левых и троцкистов, Сталин потом расправился и с ними, и с правыми коммунистами, — но у Сталина больше, чем у кого-либо из тогдашних «вождей», на первом плане были его собственные стремления. Им управляла страсть к власти; он был типичным «двурушником», против которых он так ополчался, его интересовала главным образом расстановка и наличие сил на вершине партии, а не идейное содержание борьбы. В отношении правых коммунистов этого с такой же твердостью утверждать оснований нет.

В изменении характера борьбы, идущей вокруг по существу тех же вопросов, имеет значение и изменение психологических мотивов. В двадцатых годах, например, у правых коммунистов сказывались еще глубоко скрытые народнические настроения; эти настроения у многих коммунистов первого периода их движения, несмотря на материалистическую подкладку убеждений, были еще сильны. Коммунисты сталинского и нынешнего периода освободились от этого «пережитка», народнические «сентименты» власти над ними не имеют, — но взамен жизнь еще острее выдвигает соображения рационального, «делового» порядка, понятные им. Одно из них — резкое противоречие между уровнем жизни населения и вообще его состоянием и требованиями современной высокоиндустриализованной промышленности. Мотивы меняются, — однако, жизнь заставляет заниматься решением вопросов, которые и в двадцатые годы были основой внутрипартийной борьбы.

Это же обстоятельство отражается и на такой детали: в двадцатых годах вопрос о ревизионизме почти не поднимался, о нем упоминали мало — и много говорили о реформизме. Теперь главной мишенью стал ревизионизм, а о реформизме руководители и идеологи партии упоминать не решаются. Причина ясна: ревизионизм не так опасен, он может относиться к пересмотру лишь некоторых партийных догм, — реформизм прямо указывает на необходимость реформирования строя, режима. В двадцатых годах об этом можно было говорить, — теперь такой «ереси» руководство партии не может допустить ни под каким видом, оно ожесточенно борется с ревизионизмом.

Политика нынешнего руководства КПСС, его поспешные и лихорадочные мероприятия по реорганизации, попытке улучшения системы управления, как и некоторые послабления для населения, с политикой правых коммунистов в двадцатых годах имеет мало общего, если вообще имеет что-либо общее. Эта политика вызывается тоже тяжелым положением в стране, — но проводится она не столько ради самого населения, сколько потому, что без Сталина сталинскими методами править нельзя. На какие-то уступки идти необходимо. И как вначале Маленков, так теперь и Хрущев вынужден лавировать, уступать, «перестраиваться», — но практически он про-

должает ту же сталинскую линию лишения народа какой-либо инициативы, не подчиненной «руководящей воле партии». Правые коммунисты не отказывались от «руководящей роли партии», но они не уничтожали свободной инициативы народа, а старались лишь использовать ее. В этом — главное различие между политикой правых коммунистов и сталинцев, а теперь «хрущевцев», будто бы реально учитывающих положение в стране и желающих его улучшить.

Разница между сталинизмом и «хрущевизмом» заключается только в оттенках, в степени напряжения, но не в отсутствии напряжения. Используя внеэкономическое и экономическое принуждение, Сталин в своей политике предпочтение отдавал первому. Хрущев, не отказываясь и от внеэкономического принуждения, вынужден стараться перенести ударение на второй фактор, — только в этом и состоит различие хрущевских методов от сталинских. Основа и там и тут — принуждение, насилие, и Хрущев уйти от него не может и никакого другого пути предложить не в состоянии. Правые же коммунисты оказывались творческой силой: отказываясь от примата насилия, они стремились добиться добровольного и продуктивного сотрудничества всех слоев населения, чего ни Сталин, ни его преемники своей политикой достичь не могли и не могут.

Более трезво оценивая период военного коммунизма и начало НЭПа и считаясь с реальными возможностями и задачами страны, а не с одними партийными установками и программой, правые коммунисты были наиболее живой, творческой силой в компартии. Автор брошюры пишет, что у них «происходила весьма серьезная ревизия прежних надуманных, идущих чуть не со времен Т. Моора, представлений о социализме. Но эта ревизия не была достаточно осознанной». Можно сказать больше: в некоторых идеях правых коммунистов, правда, еще в очень туманном и зачаточном состоянии, проглядывают те изменения, которые недавно должны были внести в свои программы западноевропейские социал-демократы. И тех и других это заставило сделать само развитие современной жизни, оказывающееся более убедительным, чем прогнозы Маркса, Ленина и других теоретиков социал-демократии. Разница здесь только в том, что правые коммунисты начали догадываться о необходимости этих изменений лет на тридцать раньше; видимо, их толкнул к этому опыт первых лет революции, безуспешность попытки осуществления своих утопических представлений. Сталинцев, как и хрущевцев, это, однако, не смущало и не смущает.

Насколько живыми и жизненными в определенной обстановке остались идеи правых коммунистов, показали, как упоминает автор брошюры, события в Польше и народная революция в Венгрии 1956 года. Венгерские рабочие, крестьяне, интеллигенция не хотели возвращения старого строя и даже не отказывались от идеи «построения социализма», — но они ожесточенно боролись против тоталитаризма, против диктатуры, лишавшей население какой-либо свободной иници-

циативы. И в их борьбе против нового крепостничества в насильно созданных колхозах, против закабаления рабочих, против террора, — короче, против сталинизма, — отразились идеи и настроения, которые могли одержать у нас верх еще в двадцатых годах.

Нынешний, хрущевский период во многом остается переходным, после смерти Сталина, периодом. В нем продолжает преобладать эклектика, окрошка из сталинских убеждений и методов с попыткой прагматически подогнать требования современной жизни к целям коммунистического властвования. В какой-то мере это объясняется, видимо, отсутствием в разгромленной и задавленной Сталиным партии идейной творческой мысли. Партия давно превратилась в технический аппарат диктатуры, властвования ее «руководства», а это руководство — в группку соперничающих «вождей», не обремененных ни идеологическим багажом, ни совестью. Они очень опытные в чисто практических областях борьбы за власть, в технических деталях этой борьбы, в закулисных интригах, в подборе и расстановке своих ставленников; у них сохраняется и сталинская волчья хватка. Этим они сильны. Но они беспомощны в части широких идеологических обоснований и обобщений, в оценке не временных деталей современного развития жизни, за противоречия между которыми они жадно цепляются и близоруко делают на них свою ставку, а общего потока, общего направления этого развития. Тут они повторяют зады «марксизма-ленинизма», толкуются на одном месте, обнаруживая безнадежный провинциализм. Их практическое умение достаточно для удовлетворения властолюбия и тщеславия у одних, для устройства у государственной кормушки у других, — для творческого решения постоянно возникающих больших проблем, для руководства государственной жизнью в современных сложных и глубоко изменившихся условиях, одного этого их умения далеко не достаточно.

Борьба продолжается; разные слои населения и силы вынуждены в ней ставить те же в своей основе вопросы, которые ставились и в двадцатых годах. Уйти от них нельзя. Пока они, как и при Сталине, не получают положительного разрешения, а по-прежнему заглушаются, загоняются внутрь, чтобы сохранить властвование руководства партии, — этим болезнь не излечивается, а только еще больше осложняется. Этому должен прийти конец, — для приближения его небесполезно вспомнить идеи и представления создателей «доктрины правого коммунизма».

ДОКТРИНА ПРАВОВОГО КОММУНИЗМА

В истории Советского государства есть особый, крайне интересный, период, которому посвящено очень мало внимания в огромной, почти безбрежной, литературе, относящейся к СССР. Начало этого периода — в 1924 году, конец — в половине 1926 года, а апогей расцвета — 1925 год. Это время явно и крепко отмечено влиянием «доктрины» правого коммунизма и первенствующей ролью правых коммунистов в правящей государством группе.

Напрасны поиски какого-то сочинения, в котором в одном, с исчерпывающей полнотой, было бы изложено то, что мы называем и имеем право называть «доктриной правого коммунизма». В систематизированном виде этой доктрины не существовало; отдельные части ее нужно искать в ряде постановлений партии, — например, в решениях Пленума ЦК и 14 партконференции в апреле 1925 года, в газетных статьях, различных сборниках, в речах некоторых руководителей партии. Нужно к этому прибавить, что доктрине правых коммунистов и их влиянию сопутствовала особая общественная психология. Без знания ее эта доктрина не может быть достаточно понята. Можно даже сказать, что сама эта доктрина не могла бы сложиться, если бы в качестве предпосылки у правившей тогда части коммунистической партии не зародилась указанная психология.

С какими же событиями связано ее появление? В гармонии с общим их взглядом на социалистическую революцию, руководители компартии всегда считали, что основным условием успешного социалистического строительства в России является помощь международной революции и, конечно, в первую очередь пролетарской революции в Европе. Но в 1924 году, после поражения революции в Германии, с полной уже ясностью обнаружилось, что на победу пролетарской революции в Европе в ближайшие годы никакой на-

дежды нет. Вместе с этим, как будто, исчезла и возможность построения социализма в России. А такой вывод создавал в партии и растерянность, и неуверенность — какую же политику она должна вести, какое будущее стоит перед нею?

Из этого положения партию вывела статья Ленина о кооперации. Она была написана еще 4-6 января 1923 года, но на нее сначала главари компартии не обратили почти никакого внимания, что подтверждается, в частности, тем, что ее не спешили опубликовать. Она помещена в «Правде» лишь 26 и 27 мая, после третьего удара паралича, поразившего Ленина. Не придавали ей значения ни в 1923, ни в начале 1924 года, — но за нее обеими руками ухватились во второй половине 1924 года, именно потому, что полностью исчезли надежды на пролетарскую революцию в Европе.

Статья Ленина внесла огромное теоретическое успокоение в смятенную голову правящей верхушки. В явном противоречии с тем, что до тех пор принималось за непоколебимую истину, Ленин объявил, что в СССР есть «все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества». Есть диктатура пролетариата, есть социализация средств производства, есть союз с крестьянством и руководство его пролетариатом, — не хватает только кооперирования, вовлечения в кооперацию всего населения. Но «на хороший конец», достигнуть участия в кооперации всего населения можно «в одно-два десятилетия». При такой перспективе вопрос о пролетарской революции в Европе, как об условии успешного строительства социализма в СССР, **терял свою остроту**. Раз есть все необходимое для построения социализма — будем его строить в одной нашей стране, не считаясь с тем, что его нет в других странах и, быть может, скоро и не будет. Резолюция в этом смысле была принята 14 конференцией партии, происходившей 27-29 апреля 1925 года, и признана «одним из важнейших документов партии». Но принята она была не прямым решением конференции, а путем одобрения тезисов ЦК, предложенных Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала, в которых, с полемикой против Троцкого и ссылкой на Ленина, декларировалось, что в СССР возможно построение социализма без революции в Европе и без «государственной помощи» стран с пролетариатом во главе.

Принимая теорию «построения социализма в одной стра-

не», правые коммунисты трактовали эту проблему с большим реализмом. У Ленина она была поставлена догматично и метафизически. Говоря, что в СССР есть все необходимое для построения социализма, он прошел мимо нужных для этого объективных предпосылок, не давая анализа естественных богатств, высоты экономического развития и техники. В заметках «О нашей революции», написанных 17 января 1923 года и тоже, как статья о кооперации, с большим опозданием помещенных в «Правде» (лишь 30 мая), Ленин иронически говорил о тех «ученых господах», которые, оставаясь во власти старых шаблонов, считали необходимыми «объективные экономические предпосылки для построения социализма». В противоположность Ленину и считая, что эта его фраза, по словам Рыкова, написана **«больше всего для утешения партии»**, правые коммунисты при постановке вопроса о «построении социализма в одной стране» находили, что нужно особенно считаться с наличием в стране объективных экономических предпосылок. Подсчет этих экономических и технических предпосылок, будучи предметом обсуждений многих заседаний Политбюро уже в конце 1924 года и в начале 1925, дал, как и нужно было ожидать, очень неблагоприятную картину. Поэтому Зиновьев и Каменев высказывали убеждение, что в СССР, при его огромной технической отсталости, нельзя без помощи международного пролетариата и мировой революции построить социализм.

Иную позицию заняли в Политбюро правые коммунисты. Признавая, что отсутствие экономических и технических предпосылок делает построение социализма до крайности трудным, они устами Бухарина заявили, что ничего кроме социализма коммунисты все равно строить не могут и что они его будут строить, хотя для этого придется **«плестись черепашьими шагами»**. Происходившие в это время споры и разговоры в Политбюро нигде не были опубликованы, однако, представление о них дает речь Бухарина на XIV съезде:

«Мы, говорил он, не погибнем из-за нашей технической отсталости, мы будем строить социализм даже на нашей **нищенской базе**, мы будем плестись **черепашью шаг**ом, а все-таки социализм построим. По этому поводу у нас и разгорелся спор на одном заседании Политбюро, примерно ко времени 14 партийной конференции. Каменев и Зиновьев защищали ту позицию, что мы не сможем построить до конца социализм из-за

нашей отсталости. Мы оспаривали со всей страстностью взгляд, что должны погибнуть из-за этой отсталости»¹⁾.

На это позднее Троцкий и его единомышленники (и, среди них, Зиновьев и Каменев) отвечали, что социализм в СССР черепашими темпами **никогда** не построить, так как пока не свергнут капитализм в Европе, он, теми или иными способами, в особенности своим контролем мирового рынка, от которого всецело зависит СССР, задушит и разложит социализм. Отрицая возможность построения социализма в одной стране без мировой революции, троцкисты (Пятаков, Преображенский) уже в 1925 году начали изменять свою концепцию, внося исключительно важное дополнение: если допустить, говорили они, что построение социализма в одной стране возможно, то для этого нужны не «черепашие шаги», а надо идти с **максимальной быстротой**, форсируя темпы строительства, напрягая все силы страны, стремясь «в минимальный срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран». Так гласит решение 15 конференции, происходившей 26 октября-3 ноября 1926 года. Оно сделано уже под прямым влиянием троцкистской идеологии и могло быть принято потому, что доктрина правого коммунизма уже **теряла** свое влияние.

Правые коммунисты в 1925 году относились не только с недоверием, но с явной враждебностью к «форсированию темпов», так как, по их мнению, этот метод, уже примененный во время военного коммунизма, привел страну к катастрофическому положению, из которого пришлось выходить с помощью НЭПа. Отрицание правыми коммунистами болезненных для страны «ускоренных темпов», приемов строительства революционными методами свидетельствовало о том, что в их психологии произошла очень **большая перемена**. Они пропитались «реформизмом». Правые коммунисты все время напоминали, что нужно следовать за последними заветами Ленина — «двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали»²⁾ «перестать нервничать, кричать, суетиться»³⁾ твердо усвоить, что теперь нужны не «революционные приемы», а «действия реформист-

1) Стенографический отчет XIV съезда, стр. 135-136.

2) Сочинения Ленина, издание 4-е, том 34, стр. 243.

3) Там же, стр. 255.

ские» и «реформистский подход» к вопросу о строительстве социализма.⁴⁾

Кого мы имеем в виду, говоря о правых коммунистах, как создателях доктрины, школы правого коммунизма? Конечно, это Бухарин. Из его заявлений на XIV съезде мы знаем, что ему принадлежат важнейшие части решений 14 конференции, свидетельствующей о торжестве идей правых коммунистов. Для всех, кто встал под троцкистское, а позднее под сталинское знамя, Бухарин — одиозная фигура. На XIV съезде партии Зиновьев говорил:

«Бухарин хочет навязать партии свою точку зрения. Долг всех нас сказать — нет. Вокруг Бухарина теперь создается целая школа, пытающаяся затушевать действительность и отступить от классовой точки зрения»⁵⁾

О том, что около Бухарина создалась особая «школа» (мы называем эту «школу» доктриной правого коммунизма) на том же XIV съезде говорил и Каменев:

«Складывающаяся в партии теория, школа, линия Бухарина, не находившая до сих пор и не находящая теперь достаточно отпора — гибельна для партии. Молодежь, которая оформляется в школе Бухарина, представляла бы для нас величину малоинтересную, если бы эта молодежь не получила фактически монополию на политическо-литературное представительство партии, если бы фактически в руках этой школы не находилась вся наша печать и все политико-просветительные работы.»⁶⁾

Каменев был прав: около Бухарина, проникаясь доктриной правого коммунизма, тогда действительно сложилась группа молодых «красных профессоров»: это Марецкий, Стэн, Стецкий, Слепков, Астров, Гольденберг, Зайцев. Статьи и брошюры некоторых из них, особенно Марецкого, весьма удачно разъясняли и пропагандировали идеи правого коммунизма.

Рыков — другая виднейшая фигура среди правых коммунистов. Частичку их доктрины он ясно представил в своем

⁴⁾ Там же, стр. 86 и 87.

⁵⁾ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 109.

⁶⁾ Там же, стр. 254.

докладе о кооперации на 14 конференции. Он несомненно преуменьшил свое значение, заявив, что «моя роль в кооперативной комиссии заключалась в том, чтобы собрать опыт мест и провести практические директивы в соответствии с общей политикой партии». Рыков был не только простым собирателем этого опыта. В освещение его он вносил и нечто свое, и это было ценно, так как у этого человека был трезвый ум и у него было большое практическое знание экономических вопросов, приобретенное им сначала в качестве помощника Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров, а после смерти Ленина, в качестве его преемника на этом посту. Есть основание утверждать, что идею построения социализма в одной стране он воспринял раньше других и раньше Бухарина, но оба быстро сошлись в том, что строить социализм в России будет очень трудно и в этом направлении быть может долго придется идти «черепашьим шагом». Своим знакомым Рыков часто говорил, что после поражения германской революции он отчетливо понял, что «вера в революционный фейерверк в Европе» должна быть оставлена и что теперь более, чем когда-либо, нужно проникнуться и руководствоваться следующими указаниями Ленина:

«Нужно перестать писать «революцию» с большой буквы, возводить революцию в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным, самым трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому».

Эти слова находятся в статье Ленина «О значении золота», написанной еще в ноябре 1921 года. В оценке важности этого указания Бухарин полностью сходиллся с Рыковым. На XIV съезде партии, назвав приведенную цитату «великолепной», Бухарин, опираясь на нее, обосновывал необходимость перехода от революционного метода на «мирноорганизаторский характер работы».¹⁾

Третья выдающаяся фигура правого коммунизма — Дзержинский, хотя отнесение его в эту рубрику должно ка-

¹⁾ Стенографич. отчет XIV съезда, стр. 150-151.

заться огромной несообразностью очень многим, видящим в Дзержинском лишь грозного шефа ГПУ. Но Дзержинский с февраля 1924 года по июнь 1926 года был председателем ВСНХ и на этом посту оказался руководителем индустрии, осуществляющим ее развитие с самым трезвым отношением к имеющимся в стране ресурсам, с бережным и внимательным отношением к нуждам сельского хозяйства; он был врагом «форсированных темпов» и всяких тяжелых обложений населения. О Дзержинском придется говорить еще в дальнейшем, сейчас только напомним, что он умер от разрыва сердца в июне 1926 года, после речи, произнесенной им на Пленуме ЦК против троцкиста Пятакова, своего помощника в ВСНХ, и против Каменева, уже перешедшего на точку зрения левой троцкистской оппозиции. Исчезновение Дзержинского и замену его Куйбышевым **немедленно** почувствовали все кадры, составлявшие ВСНХ. Со смертью Дзержинского доктрина правого коммунизма оказывалась в ВСНХ уже не ко двору и стала замещаться другой, пропитанной иным духом.

К трем только что указанным, всем известным, главным фигурам правого коммунизма нужно отнести еще четвертую. В большой истории коммунизма на нее не обращено никакого внимания, хотя тем, кто жил в СССР в то время и прикасался к происходившему за кулисами, известна большая роль этого лица в выработке доктрины правого коммунизма, именно в области отношения к крестьянству и сельскому хозяйству. Мы имеем в виду народного комиссара Земледелия А. П. Смирнова. Его не следует смешивать с троцкистом И. Н. Смирновым, ни с представителем группы демократического централизма В. М. Смирновым, занимавшим одно время пост наркома Земледелия. Вечно на всех злобствующий Ю. Ларин с насмешкой говорил, что А. П. Смирнов создал ложную «теорию о зажиточном крестьянстве, чуждом эксплуататорских моментов». Смирнов действительно приложил много усилий, пытаясь укрепить в партии правильный взгляд на зажиточного трудового крестьянина. По его убеждению, только такой вид зажиточного мелкого буржуа и может принять при развитии сельского хозяйства «середняк», крестьянин, объявленный Лениным «центральной фигурой» сельского хозяйства. Мысли, развивавшиеся Смирновым еще в 1924 году, предвосхищали многое из того, что потом

говорили Бухарин и Рыков. Его вклад в доктрину правого коммунизма нужно признать бесспорным.⁹⁾

К числу сторонников этой доктрины, но с гораздо меньшим значением в ее разработке, нужно отнести члена Политбюро Томского, Цурюпу, помощника Ленина при проведении политики НЭПа, Калинина, бывшего, особенно в первую половину 1925 года, под влиянием Рыкова, Бухарина и Смирнова, очень ревностным защитником идей правого коммунизма. Было бы большим упущением, если бы мы не указали, что весь 1925 год в хвосте у правых коммунистов (это мы покажем на следующих страницах) шел генеральный секретарь партии Сталин и всегда как тень идущий за ним его помощник — Молотов (с декабря 1925 года ставший членом Политбюро). Доктрина правого коммунизма, признанная партией на XIV конференции, была тогда действительно господствующей. Ни Сталин, ни Молотов никаких своих конструктивных взглядов и предложений не имели, а лишь с вариациями, чаще всего неудачными, повторяли то, что говорили Бухарин и Рыков. Каменев был близок к истине, когда он заявлял, что «тов. Сталин целиком попал в плен той неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является Бухарин».⁹⁾

Правые коммунисты пробовали дать и давали ответ на целый ряд крайне важных вопросов. Сумма этих ответов, как уже было сказано, оставшаяся несистематизированной, все-таки ясно определяет, в какую сторону направились их взгляды, слагая то, что мы называем доктриной правого коммунизма. Но для определения ее нужно обязательно откинуть обволакивающий ее густой слой ходовых, вечно находящихся на языке партии, коммунистических формул. Док-

⁹⁾ Крайне любопытна защита Калининым Смирнова от нападок на последнего Ларина в статье в «Правде» от 8-го апреля 1925 года. Калинин это сделал в речи на московском губернском съезде советов (см. «Известия» от 15 апреля).

⁹⁾ Стенографич. отчет XIV съезда, стр. 254.

трина правого коммунизма вроде ореха: чтобы дойти до ее ядра, нужно скинуть с нее скорлупу.

Задача «построения социализма в одной стране» вызывала необходимость не только восстановить разрушенное хозяйство, но и значительно его расширить, так как прежняя довоенная хозяйственная база была узка и слаба и на ней «нельзя было воздвигнуть здание социализма». Если восстановление хозяйства требует средств, капитальных вложений, его расширение требует их еще больше. Откуда взять эти средства, зная, что нельзя рассчитывать на получение их из-за границы? Правый коммунизм отвечает на это: необходимые средства должны и могут быть принесены процессом накопления, созданием прибавочной ценности (прибавочного продукта) внутри хозяйства СССР. Термин **накопление**, как увидим дальше, — постоянный элемент в речах и статьях правых коммунистов. Партия целиком его усваивает, но — это можно легко проследить, — позднее характер искомого накопления изменяется в зависимости от изменения политической атмосферы и постепенного падения влияния правых коммунистов.

О процессе накопления Ленин и его эпигоны знали из первого тома «Капитала» Маркса лишь то, что накапливающийся капитал создается разного рода эксплуатацией рабочего. И можно почти с уверенностью сказать, что всякий раз, когда у марксиста вставал вопрос о накоплении, немедленно вставала в памяти и знаменитая картина жестокого первоначального капиталистического накопления, изображенная Марксом в главе двадцать четвертой I тома его «Капитала». Эта картина до такой степени заполнила мозг иных коммунистов, приобретая для них характер универсального, во все времена действующего закона, что Е. Преображенский в статье, появившейся в 1923 году в «Вестнике Коммунистической Академии» (№ 8) стал доказывать, будто накопление, необходимое для строительства хозяйственной базы социализма в СССР, может быть и должно быть создано лишь методом **первоначального капиталистического накопления**. Преображенский различал два рода могущих быть в СССР накоплений. Одно — это «социалистическое накопление, присоединяющее к функционирующим средствам прибавочный продукт, создаваемый внутри социалистического хозяйства». Другой род накопления, который он называет «первоначальным социалистическим накоплением», черпает свои средства

«вне комплекса государственного хозяйства», выгребая их разными способами из деревни, из хозяйства мелких производителей, отовсюду вне социалистического хозяйства. Именно этот род накопления, с явной эксплуатацией мелких производителей, Преображенский и считал необходимым для начального построения социализма.¹⁰⁾

Что такова его мысль — в этом нет сомнения. Вот что он писал:

«Такие страны, как СССР, должны пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников до-социалистических форм хозяйства». «Задачи социалистического государства не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать еще больше... Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской, является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства. Мысль, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, является несомненно реакционной мелкобуржуазной утопией».

Теория Преображенского, немедленно подхваченная Пятаковым и некоторыми другими троцкистами, вне этого небольшого круга ни в 1923, ни в 1924 году внимания к себе не привлекла. Но когда в 1925 году, в связи с «построением социализма в одной стране», был поставлен вопрос о необходимости для этого накопления, указанная теория, с циничной ясностью указывающая, как и откуда оно может быть получено, не могла не стать предметом обсуждения. Первые

¹⁰⁾ Статья Преображенского, написанная в 1923 г., была позднее дополнена статьей «Закон ценности в советском хозяйстве» и составила книгу «Новая Экономика», изданную в 1926 г. «Коммунистической Академией». Возмущение, вызванное этой теорией, заставило его несколько смягчить термин «эксплуатация».

коммунисты — это делает им честь — отнеслись к взглядам Преображенского с негодованием. Рыков говорил:

«Эта теория **возмутительна**. Преображенский нас убеждает, что социализм должен строиться методами первоначального капиталистического накопления. Можно ли придумать большее, чтобы смертельно скомпрометировать социализм? Нам трудно установить эквивалентность обмена между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством. К нарушению этой эквивалентности, к изъятиям доходов деревни, нам неизбежно приходится прибегать, но это не должно быть высасыванием до последней кровинки из крестьянства, это не должно быть «пожиранием» деревни, о чем с такой настойчивостью говорит Преображенский. У него деревня только дойная корова для индустрии».

Очень резкую критику этой теории дал Бухарин в вышедшей в 1925 году брошюре «Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок». Взгляды Преображенского Бухарин называл «чудовищными», правильно указывая, что весь анализ Преображенского «построен по аналогии с периодом первоначального накопления капитала». Чего хочет Преображенский — спрашивает Бухарин, и отвечает: он хочет, чтобы, делаясь эксплуататором, «рабочий класс сидел верхом на мелких производителях». Подобную критику теории Преображенского дали и молодые профессора из «школы Бухарина» и с этой же теорией боролся в ВСНХ Дзержинский, выступая против своего помощника Пятакова, желавшего, в согласии с Преображенским, получить накопление с помощью самых невыгодных для крестьянства высоких цен промышленной продукции.

Необходимо указать, что в 1925 году Сталин тоже отвергал теорию Преображенского, заявляя, что она «не имеет ничего общего с взглядами партии». Но через четыре года теория Преображенского была полностью, и в еще более чудовищном виде, усвоена Сталиным и сделана основным законом генеральной линии партии. Накопление капитала, строительство социализма в одной стране путем пятилетних планов, Сталин базировал на «дани» (это его слово), взимаемой жесточайшими мерами с крестьянства. На это 9 февраля 1929 года Бухарин, Рыков и Томский в декларации, обра-

щенной к Центральному Комитету, заявили, что провозглашенная Сталиным линия есть «политика военно-феодальной эксплуатации крестьянства» и она категорически ими отвергается.¹¹⁾

Правые коммунисты последовательно придерживались позиции, на которую встали в 1925 году, и с негодованием отвергали теорию Преображенского. Они прекрасно знали, что без накоплений, без инвестиции капитала, без капитальных затрат нельзя двинуть развитие хозяйства, но они желали, чтобы накопление капитала не носило характера беспощадной эксплуатации крестьянства и мелких производителей и не приводило к тяжелому понижению уровня потребления всего населения. Взгляды правых коммунистов в этой области, неоднократно излагавшиеся на протяжении 1925 года, в частности, представлены в статье Д. Марецкого в № 18 «Большевика» в 1926 году.

Критикуя троцкистскую оппозицию, Марецкий писал:

«Линия, которой придерживается в своей промышленной политике партия, состоит в том, чтобы планомерно и систематически развертывать и тяжелую, и легкую промышленность, растущую долю средств обращать на производство капитальных затрат, нужных для ускорения темпа индустриализации, но так, чтобы при этом происходило необходимое **расширение производства предметов потребления**. Расширять капитальное строительство за счет снижения производства предметов потребления мы не можем. Это означало бы ускорение темпа индустриализации ценою снижения жизненного уровня трудящихся масс». Не нужно забывать, напоминает Марецкий, что «чем выше нормы накопления, тем ниже нормы потребления».

Накопление, необходимое для развития хозяйства, требующее роста производства, должно было, по мнению правых комму-

¹¹⁾ О декларации Бухарина, Рыкова, Томского, направленной в ЦК, в печати известно из речи Сталина о «Правом уклоне в ВКП(б)» на пленуме ЦК в апреле 1929 г. В отчете об этой речи, напечатанном в 1929 г., в газетах нет указания правых коммунистов, что политика Сталина есть «военно-феодалная эксплуатация крестьянства». Нет ее и в тексте, напечатанном в 1932 г. в девятом издании «Вопросов ленинизма» Сталина. Она появилась много позднее, когда в речи Сталина было восстановлено более 30 страниц текста, которые не были в свое время опубликованы в печати. В этом полном виде речь Сталина приведена лишь в одиннадцатом издании «Вопросов ленинизма», вышедшем в 1952 году.

нистов, сопровождается тем, что они называли «развязыванием товарооборота». В резолюции 14 конференции, написанной Бухариным, есть следующее место:

«Необходимо развивать хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства, в том числе и деревни. В результате более быстрого товарооборота будет расти и темп накопления во всем народном хозяйстве, и все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства».¹²⁾

Бухарин и его единомышленники указывали, что огромным, вреднейшим препятствием «развязыванию товарооборота» являются все еще неизжитые в стране взгляды, пережитки, методы военного коммунизма. **Крайне резкое, враждебное отношение к военному коммунизму — одна из самых существенных черт правого коммунизма.** У Бухарина, бывшего в начале революции виднейшим «левым» коммунистом, апологетом и теоретиком военного коммунизма, вражда к нему была, видимо, большей, чем у других, и носила страстный характер. Сталин позднее правильно говорил, что от чрезвычайных мер военного коммунизма Бухарин «убегает, как чорт от ладана».¹³⁾ В речи 17 апреля 1925 года Бухарин требовал **искоренить**, вырвать все корни военного коммунизма:

«Настоящую хозяйственную политику победоносный пролетариат может вести только при условии развернутого хозяйственного оборота. Но развитие товарооборота возможно лишь при **искоренении** остатков военного коммунизма в административно-политической работе».

Проводя взгляды правых коммунистов, резолюции Пленума ЦК в апреле 1925 года, 14-й партконференции и XIV съезда в декабре 1925 года требуют искоренить, покончить с приемами, с духом военного коммунизма:

«Необходимо решительное устранение пережитков военного коммунизма в деревне, прекращение борьбы административными мерами **против частной торговли, кулачества, противореча-**

¹²⁾ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Издание 7-е, 1954 г. часть II, стр. 132.

¹³⁾ И. Сталин, «Вопросы ленинизма». Издание одиннадцатое, 1952 г., стр. 262.

щих допускаемому в условиях НЭПа развитию рыночных отношений в стране».

«Необходимо действительное **устранение** всяких административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств, в том числе и **зажиточных их слоев**».

«Развитие крестьянского хозяйства и растущая культурно-политическая активность крестьянства приходят в противоречие с остатками военного коммунизма». «Необходим смелый и решительный переход на линию революционной законности и **искоренения** остатков военного коммунизма в административно-политической работе».

«Одобрения решения ЦК о материальной помощи бедноте (в деревне) и организации групп бедноты — XIV съезд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комитетам бедноты, ни о **возврате к системе нажима периода военного коммунизма и практике раскулачивания**. Съезд еще раз подчеркивает, что нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима».¹⁴⁾

Может показаться, что в этих призывах правых коммунистов нет ничего нового, что они — только простое продолжение мероприятий, которые Ленин вводил, переходя к НЭПу, и что недостаточно энергично и последовательно проведенные, они оставили в стране, особенно в деревне, «пережитки» военного коммунизма. В действительности, идейная позиция правых коммунистов **гораздо сложнее**. Потому, что их психология, под влиянием ряда причин, стала более «реформистской», у правых коммунистов отрицание насильственной политики военного коммунизма проявилось более сильно, чем у Ленина, что не мешало им, как и всем другим, постоянно на него ссылаться. Рекомендуемый Лениным **«реформистский»** метод внедрился в сознание правых коммунистов и был ими усвоен, конечно, более глубоко, чем мог бы этого желать Ленин. Часть своей прежней революционности они несомненно потеряли, и Сталин в 1928-1929 годах, указывая на это, был прав, называя их оппортунистами, покинувшими непримиримо-насильственную политику «диктатуры пролетариата». С точки зрения Сталина, реформизм

¹⁴⁾ «КПСС в резолюциях и решениях . . .», изд. 7-е, стр. 117, 118, 131, 132, 199.

правых коммунистов — величайшее, достойное смертной казни, преступление. Но Россия не испытала бы многих постигших ее ужасных бедствий, если бы ее повели правые коммунисты, а не Сталин.

У правых коммунистов есть и другое важное расхождение с Лениным. Будучи несомненным, оно все же не было высказано ими в достаточно законченной и отчетливой форме. Нужно напомнить, что из системы военного коммунизма Ленин уходил поневоле, по принуждению, ибо для выхода из экономической катастрофы не было другого пути, кроме НЭПа. Это отнюдь не означало его отрицания системы военного коммунизма. На IX всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года опыт военного коммунизма он назвал **«великолепным, высоким, величественным, имевшим всемирное значение»**.¹⁵⁾

С внешней, формальной стороны в этом опыте было все, что соответствовало господствующим среди марксистов-коммунистов понятиям о социалистическом строе. Он вел к устранению денежной системы, прекращению купли и продажи, к уничтожению товарного обращения, к введению централизованного государственного распределения продуктов. Когда правые коммунисты настаивали на **развязывании товарооборота**, считая это «настоящей политикой победоносного пролетариата», и в сжатии, препятствиях, в уничтожении товарооборота видели самую неприемлемую, вредную сторону военного коммунизма — они впадали в **противоречие** с обычным у Ленина, у всех других и прежде у них самих, **представлением о социализме**. Государственному распределению товарной продукции они противопоставляли развязанный **товарооборот** — в области потребления это означало свободу потребления, возможность выбора предметов потребления, а не назначения их потребителю, согласно государственными планами и нарядами. Для Ленина введение купли и продажи, обращение товаров, уход от системы военного коммунизма, был вынужденным, но явным **отступлением** от идеала; переход от распределения к торговле для него был уходом от социализма к капитализму. НЭП в его глазах — **отступление**, которому он стремился придать возможно меньший размер.

Иная точка зрения у правых коммунистов. По убеждению Бухарина, «НЭП вовсе не есть **сплошное отступление; раз-**

¹⁵⁾ Сочинения Ленина, том 34, стр. 133.

вите НЭПа вовсе не есть попятный ход красного пролетарского рака. Мы можем сказать наоборот, что мы наступаем на рельсах новой экономической политики».¹⁶⁾ Такого же взгляда придерживался Рыков и его же проводила вся «школа» Бухарина. Гольденберг писал:

«НЭП не есть отступление. Новая экономическая политика нас не отдалила от социализма, а приблизила к нему. Если бы мы, в 1921 году, перехода к НЭПу не совершили, рабоче-крестьянский союз был бы взорван и могла бы погибнуть пролетарская диктатура. Проведение НЭПа было не только необходимо, но **шагом вперед к социализму**».

Так, под навесом и прикрытием обычных грозных слов о диктатуре пролетариата, происходила весьма **серьезная ревизия** прежних надуманных, идущих **чуть ли не со времен Т. Моора**, представлений о социализме. Но эта ревизия не была достаточно осознанной. Если бы она была до конца осознана, было бы ясно, что «искоренение» методов духа военного коммунизма с одновременным «развязыванием товарооборота» в качестве политики «торжествующего пролетариата», приводило к новой концепции, к новому представлению об экономической основе социализма.

Сведующие люди знают, что Политбюро не хотело печатать статью Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», написанную 23 января 1923 года. Однако, два года спустя один из тезисов этой статьи, в виде несколько измененном и дополненном, стал весьма важной частью доктрины правого коммунизма. Ленин писал:

«В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия».

Подхватывая указание Ленина, Бухарин дал ему следующее оформление:

По отношению к белогвардейцам, буржуазно-помещичьим слоям и их остаткам — функция диктатуры состоит в подавлении и только в подавлении. Иным является отношение пролета-

¹⁶⁾ Бухарин. Три речи, изд. 1926 г., стр. 30-34.

риата и его государственной власти к **новой буржуазии**, которая при данном соотношении общественных сил является **общественно-необходимым слоем**, выполняющим в известной мере, в известных пределах, в известном отрезке времени — **общественно-полезную работу**. Частный капитал не отрубается механически одним взмахом революционного меча, он преодолевается в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших государственных учреждений.¹⁷⁾

Мысль Бухарина представляется более ясной, если взять то, что он говорил 17 апреля 1925 года на московской губернской конференции:

«Развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов надо поставить в такие условия, чтобы они нам помогали и мы им помогали и чтобы в то же время укреплялось наше хозяйство. Мелкая буржуазия сейчас может быть вдвинута в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в социалистическом строительстве».

Брошюра «Путь к социализму» дополняет только что сказанное:

«Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из ячеек, вырастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся звеньями единой цепи социалистического хозяйства».

Из приведенного видно, что главнейший теоретик правых коммунистов Бухарин полагал, что мелкая буржуазия при известных условиях может участвовать в социалистическом строительстве. В томах, представляющих «Коммунистическую партию в резолюциях ее съездов, конференций и пленумов ЦК», именно в седьмом их издании, появившемся в 1954 году, т. е. много лет после казни Бухарина, можно найти (см. часть II, стр. 130) следующие слова:

«14 партконференция дала отпор попыткам бухаринцев противопоставить установке партии свою «теорию» мирного выращивания буржуазии в социализм»

«Большая Советская Энциклопедия» (1946 г., том 53, стр. 324) тоже сообщает, что 14 конференция «дала решитель-

¹⁷⁾ «О экономической платформе оппозиции». Сборник статей. Госиздат, стр. 38-39.

ный отпор капитулянтским теориям бухаринцев, начавших противопоставлять линии партии свою теорию мирного вращаения буржуазии в социализм».

Все это ложь и фальсификация, бессмысленно рассчитанная на то, что никто не будет знакомиться с решениями 14 партконференции. Конференция никакого отпора бухаринцам не дала, **наоборот, все их предложения и соображения одобрила**. Пленум ЦК, заседавший за два дня до конференции, принял следующую резолюцию, внушенную Бухариным, Рыковым и Держинским. Она напечатана на стр. 123 второй части той самой книги («КПСС в решениях съездов, конференций . . . » и т. д.), в которой помещены и измышления о якобы «отпоре бухаринцам»:

«Необходимо облегчение существующего налогового обложения и устранение административных препятствий для частной торговли в деревне, чтобы правильными и исключительно экономическими мерами **включить ее в работу** в общую товаро-проводящую цепь советской торговли».

В форме, несколько отличающейся от приведенных выше цитат, здесь проводится все та же мысль, что мелкая буржуазия может оказывать пользу и быть не врагом, а спутником, даже участником социалистического строительства. Для этого нужно, чтобы мелкая торговая буржуазия работала **не вне сети** советской торговли, а была разными способами **в нее** включена. Такое отношение к мелкой буржуазии не могло бы иметь места, если бы у правых коммунистов не создалась психология, о которой мы выше говорили, вызывавшая предпочтении реформистских методов социалистического строительства, и вместе с их приятием толкающая на большое смягчение основного священного принципа всей коммунистической идеологии — т. е. принципа **классовой борьбы**. В самом деле, если мелкая буржуазия несет или может нести общественно-полезную работу, если она даже может быть включена в социалистическое строительство, если совершенно должны быть оставлены, «искоренены» из практики насильственные методы военного коммунизма, тогда очевидно не может быть и речи о продолжении обостренной классовой борьбы.

Бухарин, разумеется, не отрицал классовую борьбу, но он настаивал, что при изменившейся обстановке «обострение» классовой борьбы не должно иметь место, тем более, в «фор-

ме вышибания зубов», которую, по словам Бухарина, проповедовал Ю. Ларин. С Лариным полемизировал и Рыков на 14 партконференции: «Частный капитал, который работает легально — преступным ни в коем случае не является». ¹⁸⁾ Он может быть «пособником социализма». Призывы Ларина вести против него обостренную классовую борьбу, по мнению Рыкова, являются лишь повторением речей, «которые в революционных кружках говорили в дореволюционное время».

Позиция Бухарина в этом вопросе становится особенно ясной из его речи на XIV съезде. Критикуя книгу Зиновьева о ленинизме, Бухарин указывал, что

«напрасно стали бы в ней искать такое принципиально важное место, как перемена лозунга гражданской войны на лозунг гражданского мира. А это важнейшая вещь для понимания всей тактики нашей партии. Меня поносили за эту ленинскую мысль и только тогда успокоились, когда я привел цитату». Зиновьев, продолжал Бухарин, приводит слова Ленина, призывающие к обострению борьбы «с кулаками, как кровопийцами и вампирами». «Тов. Зиновьев думает, что он на волостном сходе. Ведь приводимые им слова Ленин писал в 1918 году, а с тех пор все изменилось. Зиновьеву цитата о «кровопийцах и вампирах» нужна с целью внушить, что таким языком мы должны будем разговаривать не раз. А если мы должны будем так разговаривать не раз, то значит должны будем организовывать крестовые походы в военно-коммунистическом духе. Между тем основная линия нашей партии заключается в том, что мы уничтожаем остатки военного коммунизма.» ¹⁹⁾

Появление лозунга о гражданском мире говорит больше, чем что-либо другое, о политическом воздухе 1925 года. Поэтому мы и имеем право говорить о нем, как о периоде, занимающем в истории СССР особое место. Для 1925 года чрезвычайно интересен и характерен следующий факт. В 1927 году Сталин стал призывать к обостренному наступлению на «капиталистические элементы». В 1928 году он считал нужным методами военного коммунизма извлекать хлеб из деревни. В 1929 году он слагал теорию о «дани» с крестьянства и «феодално-военной» его эксплуатации, одновременно до-

¹⁸⁾ «Известия» от 3 мая 1925 года.

¹⁹⁾ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 150-151.

казывая (ссылками, конечно, на того же Ленина), что чем ближе будет страна подходить к социализму, тем беспощаднее, тем «ожесточеннее» в ней должна вестись классовая борьба. Со свойственной ему грубостью, с презрением говоря о Бухарине, как теоретике, Сталин требовал «расколоть» бухаринскую теорию о «потухании классовой борьбы», о «врастании кулаков в социализм», как «глупую», «антимарксистскую» теорию, ставшую «знаменем правого уклона в нашей партии».

Но в 1925 году теория «правого уклона» была знаменем партии. Пока Сталин не проникся идеями троцкистской оппозиции, он ничего не мог противопоставить доктрине правого коммунизма. Он плелся в хвосте у Бухарина и самым вульгарным образом, как попугай, повторял его слова о недопустимости и ненужности идеи «обострения классовой борьбы». Эту идею он считал тогда «гибельной», взятой из «меньшевистской энциклопедии». 9 мая 1925 года он сделал доклад о решениях 14 конференции активу московской организации. В нудном и сером докладе, опять и опять повторявшем, что если международный капитализм не помешает, то СССР построит социалистическое общество, можно найти весьма любопытные фразы. По словам Сталина в этом докладе, «изменение международной обстановки», «отлив революции в Европе», «временная стабилизация там капитализма» диктуют в СССР —

«выбор наименее болезненных, хотя бы длительных путей, для приобщения крестьянства к социалистическому строительству».

Отсюда можно заключить, что если бы международное положение изменилось и в Европе началась пролетарская революция, то следовало бы «приобщать» крестьянство к социалистическому строительству не «длительными» мерами, а в ускоренном порядке, не избегая «болезненных» (для крестьянства) путей. В связи с этими фактами, говорил Сталин, в чем теперь заключается основная задача партии в деревне? Вот как он на это отвечает:

«Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии — это **разжечь классовую борьбу в деревне**. Это, товарищи, неверно. Это — **пустая болтовня**. Не в этом теперь наша главная за-

дача. Это перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии. Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вместе с этой массой по пути к социализму. Надо добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую. Сообразно с этим, должен измениться и метод партийного руководства в деревне. У нас есть люди в партии, утверждающие, что коль скоро имеется НЭП, а капитализм начинает стабилизироваться, то наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима как в партии, так и в государственном аппарате так, чтобы все скрипело кругом. Я должен сказать, что эта политика является неправильной и губительной. Нам нужен теперь не максимальный зажим, а максимальная гибкость как в политическом, так и в организационном руководстве. Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях. Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношениях к крестьянству. Чтобы руководить, ныне надо уметь хозяйничать, надо знать и понимать хозяйство. На одной лишь трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде, теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства. По старому руководить нынче нельзя, ибо поднялась хозяйственная активность деревни. Руководит тот, кто насаждает в деревне кооперативную общественность».

Отчет о докладе Сталина был включен в его книгу «Вопросы ленинизма» — приведенные цитаты взяты из девятого издания этой книги (стр. 127—130). В следующих после 1933 года изданиях книги этого доклада уже нет. Сталин прятал то, что он писал и печатал раньше, когда, по правильному замечанию Каменева, находился «целиком в плену» бухаринской политики.

В защиту теории смягчения и затухания классовой борьбы Сталин выступил и в речи 9 июня, отвечая на вопросы студентов Свердловского университета. Он говорил, что в де-

ревне есть три «фронта», на которых может происходить, но не должна иметь места классовая борьба:

«Первый фронт таков: крестьянство в целом, покупая изделия промышленности и сбывая продукты своего хозяйства в города рабочим, предпочитает получать фабричные изделия по возможно дешевым ценам, а сбывать свои продукты по возможно дорогим ценам. Равным образом крестьянство хотело бы, чтобы не было вовсе сельскохозяйственного налога или чтобы он был доведен до минимума. Здесь несомненно противоречие между желанием крестьянства и интересами пролетариата и пролетарского государства. Следовательно, здесь почва для возникновения между ними классовой борьбы. Но следует ли из этого, что мы должны разжечь на этом фронте классовую борьбу? **Нет, не следует.** Наоборот. Из этого следует лишь то, что мы должны всячески **умерять борьбу** на этом фронте, регулируя ее в порядке согласований и **взаимных уступок**, ни в коем случае не доводя ее до **резких форм**, до столкновений. На втором фронте — выступает пролетариат (в лице советского государства) и кулачество. Государство, желая придать сельскохозяйственному налогу резко выраженный подоходный характер, перекладывает главную тяжесть его на плечи кулачества. В ответ кулачество старается извернуться всеми правдами и неправдами и использует свою силу и влияние в деревне, чтобы переложить тяжесть налога на плечи середняков и бедноты. Кулачество, кроме того, закупает продукты у бедноты и середняков, собирает большие запасы, держит их у себя в амбарах и не выпускает их на рынок, для того, чтобы искусственно взвинтить цены на продукты и довести их до уровня спекулятивных цен. Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы (против кулачества) вполне применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это неверно, **совершенно неверно.** Мы здесь также **незаинтересованы в разжигании классовой борьбы**, ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ним осложнений. Мы можем и должны держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться в дело, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся масс уровне и срывать таким образом спекулятивные махинации кулачества. Вполне возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается

довести ее до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений. Но тогда лозунг разжигания борьбы будет уже **не нашим лозунгом**, а лозунгом кулачества, стало быть лозунгом контрреволюционным. Возьмем третий фронт, действующими лицами здесь две силы — беднота и прежде всего батраки, с одной стороны, и кулаки — с другой стороны. Дело здесь идет об эксплуатации наемных или полунаемных со стороны кулака-предпринимателя и мы не можем здесь заниматься политикой смягчения и умерения борьбы. Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества. Но значит ли это, что мы тем самым беремся **разжигать классовую борьбу? Нет, не значит.** Разжигание борьбы означает искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы. Есть ли необходимость в этих искусственных мерах теперь, когда мы имеем диктатуру пролетариата и когда партийные и профессиональные организации действуют у нас совершенно свободно. **Конечно нет.** »

Приведенные цитаты тоже взяты из девятого издания «Воспоров ленинизма» Сталина (стр. 156—160). В изданиях после 1933 года его доклад в Свердловском университете также исчез. Сталин, вероятно, содрогался от стыда, вспоминая, что «находясь в плену у Бухарина», проповедовал в 1925 году «**гражданский мир**». Но то, что он его проповедовал, показывает, какова была политическая атмосфера в то время.

*
* *
*

Интересную и, нужно сказать, ценную главу право-коммунистической доктрины составляет ее «аграрная часть» — программа мероприятий в деревне. Как и все наиболее важное в доктрине правого коммунизма, эта программа тоже находится в неоднократно уже цитированных нами решениях Пленума ЦК и 14 партконференции в апреле 1925 года. Но составляющие эту программу мероприятия даны не в упорядоченном виде; они сопровождаются **заслонами из вороха обычных, затасканных коммунистических слов, призывов, формул.** Аграрную программу из них нужно извлечь. Приступим к этому занятию.

«Основными экономическими задачами партии и Советской власти в деревне в настоящий период являются подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны. Нашей задачей является всемерное содействие дальнейшему росту сельского хозяйства **всей крестьянской массы** и особенно внимательное отношение к еще очень значительной бедняцкой части деревни».²⁰⁾

Дважды на одной странице повторенные слова о **«всей массе крестьянства»** указывают, что правый коммунизм, говоря о содействии росту крестьянства, имел в виду не только бедняцкие и середняцкие слои деревни, а также слои зажиточные, из которых неизбежно «вырастает новая крестьянская буржуазия», «кулачество». В этом уже было нечто новое.

Но что такое «кулачество»? Вопрос о кулаке был всегда темным в коммунистической теории. Богатый крестьянин, практикующий ростовничество или при наличии в его распоряжении большой земельной площади обрабатывающий ее с помощью плохо оплачиваемых и изнуренных работой наемных батраков мог быть законно отнесен к кулакам. Но можно ли считать кулаком зажиточного крестьянина, с помощью членов своей семьи, не прибегая к наемному труду, обрабатывающего свыше 16 десятин земли (по Ларину — это кулак!). Можно ли считать кулаком зажиточного крестьянина, имеющего, опять-таки без наемного труда, предприятие, перерабатывающее сельскохозяйственные продукты или купившего такие с. х. машины, которых нет ни у одного из его соседей в деревне? Такой крестьянин выделяется своим «богатством», — где же грань между ним и кулаком?

От этого вопроса легко (и правильно!) ушел «всероссийский староста» М. Калинин в статье, помещенной 22 марта 1925 года в «Известиях»:

«Говорить о кулаке, как об общественном слое, сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельскохозяйственный предприниматель есть кулак, если по инерции эпохи военного коммунизма всякого исправного крестьянина счи-

²⁰⁾ «КПСС в решениях съездов», часть II, стр 117.

тать кулаком. Кулак это тип дореволюционной России. Кулак это жупел, это призрак старого мира. Во всяком случае это не общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это вымирающие уже единицы».

В конце 1925 года такого рода заявления уже никто не осмелился бы сделать. Он был бы немедленно объявлен адвокатом кулаков и покровителем эксплуататоров бедноты. В марте 1925 года слова Калинина, — и это характерно для того времени, — **никакой бури** в партийных кругах не произвели. Однако, и Пленум ЦК, и 14 конференция, без всякой полемики с Калининым, в своих резолюциях оперировали с понятием о кулаке, не как с «призраком старого мира», а как с существующей в действительности социальной единицей.

При признании этого факта, отношение к этому слою совсем не укладывалось в избитую старую формулу об очищении советской деревни от «кровопийцев и вампиров». Чтобы показать, как по-новому определялось отношение к кулакам, приведем три речи лиц с наибольшим тогда политическим весом и авторитетом в партии. Начнем с председателя Совета Народных Комиссаров Рыкова:

«Хотя по вопросу о кулаке теперь диспутируют кажется решительно все, начиная с сельского схода и кончая губернскими комитетами и ЦК, для многих он остается неясным. Так, мне кажется совершенно неправильной попытка противопоставить зажиточного крестьянина кулаку. Вести дискуссию в таком разрезе значит заниматься схоластикой. **Точной грани между ними провести невозможно.** Наше отношение к кулаку должно строиться по аналогии с отношением к частному капиталу в городе, в торговой и промышленной сфере. Административными мерами мы не должны бороться с частным капиталом. Взаимодействие между государством и частным капиталом складывается на почве экономического соревнования, конкуренции. По этому же типу отношений должно складываться и наше отношение к буржуазному слою в деревне. Необходимо **прекратить зажим этого слоя.** Ограничение, закрывавшее совершенно двери в кооперацию этого слоя, должно быть отменено, но нужно принять меры, гарантирующие партию от перехода командных пунктов кооперации в руки буржуазного слоя деревни. При предоставлении условий для **свободного накопления в кулацких хозяйствах**, увеличивается темп накопления во всем хозяйстве,

быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности реальной хозяйственной поддержки малоимущих бедняцких хозяйств, расширяются возможности уменьшения избыточного населения, того населения в деревне, которое не находит себе работы».

Во второй речи, произнесенной Рыковым на 14 конференции, он опять говорил, что «хозяйственному подъему деревни препятствуют практикующиеся отношения к растущей сельской буржуазии». Нужно «устранить административные препоны к накоплению». «Нам не опасно развитие буржуазных отношений в деревне, мы сумеем использовать средства отлагающиеся (накопляющиеся) в растущем слое новой буржуазии»; в частности, надо «их направить на поддержку бедняцких слоев деревни, а о бедняках мы больше говорим, чем им помогаем». Настаивая на том, что деревня через кооперацию должна войти в общую систему советского хозяйства, Рыков еще раз указал, что от участия в кооперации не должны быть отстранены и кулаки, но что в управлении кустарно-промысловой кооперации «не может находиться крестьянин-скупщик ее изделий и продуктов, в потребительской кооперации нет места крестьянину-лавочнику, а в кредитной кооперации — крестьянину, занимающемуся ссудой денег».²¹⁾

Вторая речь на ту же тему — Молотова, главного помощника Сталина в секретариате Политбюро:

«Нам не столько нужно гоняться за определением «кулака», сколько за тем, чтобы дать правильное определение, кого из крестьян ни в коем случае не должно относить к кулакам. Нужно обратить особое внимание на недопустимость причисления к кулакам середняка и старательного культурного крестьянина, по отношению к которому партия ведет линию поддержки их хозяйственного развития. Но при теперешнем развитии, **при теперешней нашей политике** на допущение рыночных отношений, мы будем в известной мере допускать развитие даже кулака. Мы допускаем **развитие крепкого хозяйства**, допускаем, по крайней мере на ближайший период, **укрепление капиталистических элементов**, т. е. кулачества. Борьба с кулацкой экономи-

²¹⁾ Речи Рыкова были напечатаны в «Правде» 30 апреля и 3 мая 1925 года.

кой будет вестись не раскулачиванием, не арестами, не штрафами, а соответствующими мерами налоговой политики, политикой землеустройства, работой кооперации, которая в этом деле сыграет грандиозную роль».

Два года спустя «сталинец» Молотов будет клещами вырывать из своей памяти слова об «укреплении капиталистических элементов, т. е. кулачества». В 1925 году, как и Сталин, он шел за правыми коммунистами, был во власти их доктрины, стремившейся не способами военного коммунизма, а реформистской системой мероприятий создать «накопление» в сельском хозяйстве и тем самым способствовать увеличению общего накопления и росту национального дохода.

В речи Молотова есть еще и другие фразы, которые позднее он хотел бы считать произнесенными. Например, он резко выступал против «бедняцкой точки зрения»:

«Среди коммунистов есть люди, стоящие на точке зрения, которая уклоняется от правильной партийной линии. Они переходят на **бедняцкую точку зрения**, заменяя ею нашу партийную позицию. Это находит себе выражение в неправильном определении задач сельскохозяйственной коллективизации, якобы могущей в наших условиях дать полное восстановление бедняцкой массы. Такая точка зрения насквозь пропитана **бедняцкими иллюзиями** и фактически не соответствует тому экономическому развитию, которое теперь идет и приводит основные массы середняков и бедняков к кооперации. **Нельзя скатываться к бедняцким иллюзиям о коллективизации широких крестьянских масс.** Необходимо кооперирование крестьянского хозяйства и освобождение особенно коммунистов от всяких иллюзий, отвлекающих нас от правильного пути».²²⁾

Никто из коммунистов, ни тогда и вообще никогда, конечно, не отрицал важности и желательности развития коллективных форм труда в сельском хозяйстве. Однако, только-что приведенные слова Молотова (в докладе, одобренном Политбюро и ЦК), называющего мысль «о коллективизации широких масс крестьянства — бедняцкой иллюзией», убедительно показывают, насколько руководящая часть партии в 1925 году была далека от политики коллективизации, как своей ос-

²²⁾ Речь на Пленуме ЦК 23 апреля, см. «Правду» от 9 мая 1925 года.

новой задачи. Но не пройдет и двух лет, как XV съезд партии (декабрь 1927 г.), освобождаясь от влияния правых коммунистов, объявит, что «основной задачей партии» должна быть поставлена «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы». Правым коммунистам при этом была сделана чисто словесная и временная уступка: коллективизация «может происходить только при согласии на это трудящихся крестьян».

К речам Рыкова и Молотова прибавим речь Бухарина 17 апреля, некоторые части которой мы уже цитировали. Она имела **особо важное значение** и стала главной мишенью нападок оппозиции. В большой речи Бухарина наиболее существенно следующее:

«У нас есть НЭП в городах, но нет настоящего НЭПа ни в деревне, ни в области кустарной промышленности. С той поры, как наша промышленность стала укрепляться, наша политика должна измениться в сторону уменьшения зажима, в сторону большей **свободы оборота**. Эта свобода нам не опасна. Нужно менее административного воздействия и больше экономической борьбы. Надо бороться с частным капиталом не тем, чтобы закрывать его лавку, а чтобы производить товары более доброкачественные и продавать их дешевле, чем он. Развязывание экономического оборота нам в высшей степени выгодно. Развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов надо поставить в такие условия, чтобы они нам помогали и мы им помогали и чтобы в то же время укреплялось наше хозяйство. Мелкая буржуазия сейчас может быть вдвинута в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в социалистическом строительстве. В деревне до сих пор еще сохранились отношения, существовавшие в период военного коммунизма. Зажиточная верхушка крестьянства и кулак боятся накапливать. Если крестьянин хочет поставить железную крышу — его завтра могут объявить кулаком и ему будет крышка. Если крестьянин покупает машину — то делает так, чтобы коммунисты этого не видели. Дело технического улучшения сельского хозяйства обставляется какой-то конспирацией. Проводится административный нажим на кулака, а середняк боится улучшать свое хозяйство, потому что рискует быть зачисленным в кулаки и попасть под этот самый нажим. Мы ведем такую же нажимистую политику и по отношению к мелкой буржуазии другого порядка — кустарям, ремесленникам.

Мы берем у них почти **половину** их продукции путем налогового обложения. Их работа делается невозможной и потому в деревне мы имеем людей, нигде не работающих. При таких условиях излишек там рабочего населения, аграрное перенаселение не может рассосаться. Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы **раздвигались и отчасти уничтожались ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства**. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать — **обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут**».

Призыв «обогащайтесь», как бы копирующий сделанное почти сто лет до него обращение Гизо к французской буржуазии — «enrichissez vous» — вызвал зубовный скрежет в рядах противников правого коммунизма. Среди них вдова Ленина, Крупская, немедленно послала в «Правду» протест против лозунга Бухарина. Сталин, генеральный секретарь партии, бывший «в плену» теории правого коммунизма, запретил его печатать.

В сущности, ничего одиозного в призыве Бухарина не было. Первые коммунисты стремились создать «богатеющую» деревню, опираясь на которую должна развиваться мощная индустрия — основная база социалистического строя. Такой правый коммунист, как Дзержинский, дрожал от негодования, слыша от Пятакова и других оппозиционеров, что «богатая деревня есть грозная опасность для строящегося социализма». «Это несчастье, кричал Дзержинский на Пленуме ЦК в июле 1926 года, что у нас есть государственные люди, боющиеся благосостояния деревни. Но можно ли индустриализировать страну, если со страхом думать о благосостоянии деревни».

То, что говорил Бухарин, после брошенного лозунга «обогащайтесь», последовательно и логично входило в систему его взглядов, — а трезвость их вряд ли может быть оспариваема, если не быть зараженным военным коммунизмом. Бухарин пояснял:

«Развязывая хозяйственные возможности зажиточного крестьянина и кулака, мы получаем добавочные ценности, которыми сумеем помочь малоимущим хозяйствам. Надо добиваться, чтобы общая сумма национального дохода выросла и тогда не на словах, а на деле мы сможем помогать середняцким и батрац-

ким элементам деревни. Есть товарищи (Бухарин имел в виду прежде всего Ю. Ларина), которые говорят, что если капитализм в деревне будет развиваться и кулак будет вести крупное хозяйство, то образуются новые помещики и нам придется проделать **вторую революцию**, какую-то добавочную революцию по деревенской линии. Я считаю это теоретически неправильным, практически бессмысленным. Если мы будем призывать деревню к накоплению и одновременно говорить, что через два года устроим вооруженную экспроприацию, никто ничего не будет накапливать. Если в буржуазных странах крестьянин с помощью своих кооперативных учреждений вырастает в систему промышленной и банковской буржуазии, то в условиях рабочей диктатуры, при существующих у нас отношениях власти к сельскохозяйственным учреждениям, и при помощи национализации земли — мы через кооперацию приведем крестьянство к социализму. Мы не можем представлять себе дело так, что если нажать на колхозное строительство, то крестьяне быстро пойдут по пути объединения в колхозы. Колхозы несомненно мы должны поддерживать, но **нельзя утверждать, что это есть столбовая дорога**, по которой массы крестьянства пойдут к социализму. Мы должны тянуть крестьянство к социализму, цепляясь за его частно-хозяйственный интерес. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что даст ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, он должен получить денежный кредит. Если это кооперация по сбыту — он должен иметь возможность с ее помощью более выгодно продавать свой продукт. Если мы так поставим работу, то **мелкий хозяйчик**, в конце концов, **неизбежно будет вырастать в нашу государственно-социалистическую систему**, так же, как в капиталистических странах он вырастает в систему капиталистических отношений. Эксплуатируя своих батраков, кулак накапливает, получает прибавочную ценность, получает деньги. В виде вклада он вносит их в кредитное товарищество или имеет дело с нашими банками. Мы получаем добавочные ресурсы в виде этих вкладов и эти ресурсы пускаем в оборот так, как нам это выгодно, а не так, как нужно кулаку. Этими средствами мы можем кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть середняцкую массу к хозяйственному подъему. Классовая борьба сразу не умрет, но капиталистические элементы, которые нарастают в деревне, **не придется экспроприовать** в процессе второй революции, как это некоторые думают (например, Ларин). Мы с известного периода начнем их медленно сводить на нет путем повышения хозяйств середняка

и бедноты, путем налогового обложения и, наконец, путем подведения в деревню новой технической базы. Есть ли тут ставка на кулака? Нет. Нет ли тут проповеди обострения классовой борьбы в деревне? Тоже нет. Я совсем не стою за обострение классовой борьбы. Мы идем по линии дальнейшего продвижения и развития НЭПа, по линии изживания остатков военнo-коммунистического периода, по линии большей свободы хозяйственного оборота».

Три приведенные речи дают представление об общих принципах, социально-политических предпосылках, которые устанавливали в 1925 году «аграрную программу» правых коммунистов. Многие части ее, конечно, можно найти в предложениях, проводившихся ранее или возмещавшихся в предшествующие годы. Взятая же в целом, эта аграрная программа имеет особый вид, отличающий ее от программ предшествующих, например, XIII съезда, и программ, следовавших за нею позднее. Ее противники из лагеря оппозиции с раздражением говорили, что правые коммунисты в своем руководстве сельским хозяйством лишь повторяют Столыпина. Преображенский прямо заявил, что аграрное развитие в Советском Союзе ничего нового в сравнении с дореволюционным не представляет:

«Нить экономического развития верхних слоев нашей деревни идет по пути создания капиталистического фермерства. Прерванная революцией, эта нить исторически снова взята и плетется». ²³⁾

Утверждать, что аграрные мероприятия правого коммунизма были проникнуты «всецело духом Столыпина», можно, лишь доводя до последней крайности полемический задор. Все же нельзя отрицать, что в серии мероприятий 1925 года было нечто действительно схожее с политикой Столыпина. Насаждая в деревне мелких собственников, Столыпин хотел покончить с революционным движением. Кроме этой политической цели у него была и экономическая задача: создать прочное, прогрессирующее мелкое хозяйство, развитию которого при общинном владении препятствовали и принудительный примитивный севооборот, и переделы земли, убивающие у хозяев возможность беспрепятственно пользоваться обраба-

²³⁾ Стенографический отчет 15 конференции, стр. 124.

тываемым наделом. Землеустроительные работы, введенные Столыпиным, должны были выделять из общинной земли в частную собственность **отруба**, участки земли из одного цельного куска, и образовывать **хутора-фермы** на землях, купленных у помещиков Крестьянским Банком и проданных крестьянам. Ленин, когда он не занимался демагогией, прекрасно понимал значение мероприятий Столыпина. В 1907 году в книге «Аграрная программа социал-демократии», он писал:

«О программе Столыпина ни в коем случае нельзя сказать, что она реакционна в экономическом смысле. Столыпинская аграрная реформа ведет к техническому подъему земледелия. Насильственное раздробление общины законом 9 ноября, насаждение хуторов и субсидирование отрубов это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики. Это единственно возможный путь для капиталистической России, если не победит крестьянская аграрная революция».

Схожесть с мероприятиями Столыпина обнаруживается, если из двенадцати мероприятий, указанных ниже, составлявших, на наш взгляд, основу аграрной программы 1925 года, подчеркнуть три, условно поставив их первыми:

I. С конца 1917 года, с проведения национализации земли, препятствия к образованию прочного индивидуального сельского хозяйства не исчезали. Сначала шел захват и **передел** помещичьих земель, потом передел земель, купленных и арендованных прежде крестьянами, потом грабеж, учиняемый комитетами бедноты, наплыв в деревню из голодающих городов населения, требовавшего себе, согласно основному закону сельского хозяйства, выделения земли для пропитания. Постоянно шло и раздробление многосемейных хозяйств с помощью переделов, — новообразующиеся семьи получали уравнительно с другими надел, сообразно числу едоков. Разделы и переделы настолько мешали хозяйственному развитию, что Земельный Кодекс 1922 года, запретив перераспределение земли между селениями, стремился сократить частоту переделов и внутри селений. Все-таки процесс переделов, столь характерный для прежней старой общины, не прекращался, продолжая наносить громадный урон сельскому хозяйству. Программа 1925 года решила ему положить предел следующим важным постановлением, в котором видна при-

сущая правым коммунистам забота содействовать накоплению:

«В целях поощрения большего вкладывания накапливаемых крестьянами средств в обработку и удобрение земли для усиления интенсификации и повышения доходности — **необходимо решительно бороться с попытками частых переделов**».

II. Повышению производительности сельского хозяйства препятствовало неорганизованное землепользование, отягощаемое разбросанностью земельных наделов, их чересполосицей, узкополосицей, длинноземельем. Внести в это порядок и создать переход хозяйств к широкополосным земельным участкам, к многополью, к правильному расселению крестьянских хозяйств — должна была организация соответствующих **землеустроительных работ**. О них после революции говорилось и кое-что в этой области предпринималось, тем не менее, землеустроительный хаос продолжался. Программа 1925 года совершенно правильно требовала **«ускорения и улучшения землеустроительных работ»**. Для них предусматривался **«максимально-льготный кредит»**, вместе с отпуском из государственного бюджета средств **«на проведение бесплатных землеустроительных работ для бедняцких хозяйств»**.

III. Организованное землепользование должно иметь прочную форму, а таковой при индивидуальном владении хозяйства может быть **хутор-ферма** или **отруб**. Право свободного избрания формы землепользования, как будто, давал Земельный Кодекс 1922 года. Но право это фактически не осуществлялось, так как оно сталкивалось с отрицательным отношением к нему коммунистической правящей верхушки, местных органов власти и деревенских организаций бедноты. Все эти инстанции видели в хуторах и отрубях форму, несовместимую с характером советского сельского хозяйства. Программа правых коммунистов, убежденных, что в развитии сельского хозяйства имеют большое значение зажиточные крестьяне и кулаки, больше других тяготевшие к образованию отрубей и хуторов, пыталась изменить отношение к ним коммунистической партии. Она требовала:

«не ставить административных преград для выделения на отруба и хутора, строго соблюдая право свободы выбора форм землепользования».

Некая схожесть с мероприятиями Столыпина очевидна. У Столыпина — борьба с земельными переделами и организация землеустроительных работ для насаждения прочных крестьянских хозяйств в виде отрубов и хуторов. По этому же пути пошла и аграрная программа 1925 года.

Но при сходстве велико было и различие. Столыпин насаждал прочное хозяйство (и, конечно, не бесплатно) в виде частной собственности, мысля ее «навсегда» укореняющейся. Программа 1925 года утверждала прочное индивидуальное хозяйство на национализированной земле, значит, не в собственность и не на вечность, а до момента полной замены этого хозяйства комплексом разного рода развивающейся кооперации. Все же какую-то часть дороги к своему идеалу **правые коммунисты шли параллельно со Столыпиным**. Впрочем, очень скоро эта дорога была закрыта, так как менее, чем через два года объединенный Пленум ЦК и ЦКК в октябре 1927 года постановил: «**ограничить практику выделения на отруб и особенно хутора, совершенно прекратить их в тех случаях, когда они ведут к росту капиталистических элементов**». Это уже предвещало смерть и уничтожение отрубов и хуторов. Идеология правого коммунизма **выветривалась**. Печальная судьба постигла и производившиеся до тех пор землеустроительные работы, поскольку с их помощью устраивалось упорядоченное индивидуальное хозяйство. Коллективизация деревни, к которой начали стремиться с конца 1927 года, ни с какими перегородками внутри земли селений не считалась. Она сметала индивидуальное хозяйство и землеустроительные работы, его устраивающие, теряли всякий смысл. Это был зря потраченный труд, зря потраченные на него средства.

IV. Издавна в российской деревне существовали три группы — бедные крестьяне, средние и зажиточные. Бедные крестьяне, хотя и имели сообразно их семейному составу земельный надел, вели на нем ничтожный посев или совсем его не обрабатывали. Причиной этому было отсутствие рабочего скота и необходимого инвентаря, или занятие, как у кустарей, не сельским хозяйством, а каким-нибудь не-земледельческим промыслом. Их наделы, однако, не пустовали, не оставались без обработки: бедные крестьяне сдавали свою землю в аренду односельчанам, имевшим инвентарь, лишний рабочий скот и повышенный рабочий состав в семье. Закон Столыпина да-

вал тем, кто не был в состоянии или не хотел обрабатывать свой надел, право продать этот надел общинной земли. В течение 1908-1914 годов свыше миллиона хозяев этим законом воспользовались, продав 3.690.000 десятин. После революции, уже в Советской России, существовала, как и прежде, целая группа хозяйств, по указанным выше и другим причинам не обрабатывавшая или лишь частично обрабатывавшая полученный из национализированной земли надел. Но эти хозяйства не могли его сдать в аренду, ни, тем более, продать. Несмотря на то, что существовали хозяйства, имевшие достаточно рабочей силы, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря и желавшие обрабатывать пустующую землю, они не могли взять ее в аренду. Основным закон о земле, отменяя частную собственность на землю, заявлял: «земля не может быть продаваема, ни покупаема, **ни сдаваема в аренду**». Страна требовала повышенного производства зерновых хлебов, увеличения для этого запашек, посевов; годная для этого земля была, но она **пустовала**, а если вспахивалась и засеивалась, то, по выражению Бухарина, в порядке конспирации.

Это было одним из тех уродливых явлений, которыми так полна советская жизнь. В 1922 году на него обратил внимание Ленин, предложив Всероссийскому Совету Депутатов устранить уродство, но фактически **ничто** не изменилось, так как местная коммунистическая администрация, усердствуя более, чем правительство, не допускала аренды земель, видя в ней потакание ненавистным кулакам. Арендные сделки все-таки не прекращались, но они происходили **келейно**, так, чтобы о них не знали коммунисты. Программа правых коммунистов одним ударом выводила страну из нелепого и вредного положения. Она предписывала:

«дать по советской и соответственно по партийной линии твердые указания волостным и районным исполнительным комитетам о **допущении более широкого пользования права сдачи в аренду** крестьянам земли на срок не свыше 12 лет. Устранить препятствия к сдаче в аренду отдельным землепользователям неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ с направлением доходов от этой аренды на нужды сельского волостного бюджета».

На допущении права аренды особенно настаивал Нарком Земледелия А. П. Смирнов, лучше чем кто-либо из людей ЦК

знавший, к каким безобразиям вели конспиративные аренды. Но закон об аренде действовал не долго: в октябре 1927 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК начал его изменять, постановив «сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где она ведет к росту кулацких элементов, с допущением аренды лишь на срок не свыше 6 лет». Боязнь зажиточных крестьян, числившихся в разряде кулаков, — а их преследование снова стало возрастать с конца 1926 года, — привела к тому, что они расторгали заключенные ими сделки на аренду.

V. Многочисленный слой крестьян, не имевших возможности вести обеспечивающее их пропитанием свое хозяйство, в поисках средств принужден был искать работу вне сельского хозяйства, а если в нем, то на положении наемных батраков. Рядом с ними существовали хозяйства, нуждавшиеся в горячую пору уборки урожая, очень часто для спасения урожая при неблагоприятных метеорологических условиях, в дополнительной рабочей силе. Кроме того, при почти всегда существующей в сельском хозяйстве сезонной потребности в наемной силе, в ней была и постоянная потребность у хозяйств зажиточных крестьян и тех, кого называли кулаками. Тем не менее, хотя это тоже причиняло урон для сельского хозяйства, наем рабочей силы, как и аренда земли, был запрещен. Закон о земле, внушенный народниками, социалистами-революционерами, и в 1917 году «украденный» у них Лениным, давал право пользования землею только лицам, **желающим обрабатывать ее своим трудом**. Ленин, подымая потом вопрос об аренде, указывал, что параллельно с нею должно быть допущено и применение наемного труда в сельском хозяйстве. Но принятые на этот счет постановления остались на бумаге. Наем батраков происходил в обстановке секрета, конспирации, бывшей особенно невыгодной для ищущей работы бедноты.

Программа правых коммунистов узаконила применение наемного труда, установив одновременно кодекс труда, действительно охранявший батраков от эксплуатации. Относящийся к этому декрет Совета Народных Комиссаров был опубликован 22 апреля 1925 года. Нужно ли говорить, что при изменившейся затем политической обстановке и преследовании кулацких хозяйств, последние, боясь обвинений в эксплуататорстве, стремились не прибегать к наемному труду, что при-

водило у многих хозяев прежде всего к сокращению посевов трудоемких культур.

VI. Развитию сельского хозяйства крайне препятствовала бедность, изношенность и недостаточность сельскохозяйственного инвентаря, — с. х. орудий и машин. Снабжение ими деревни начало нарушаться с начала войны, т. е. с 1914 года, и полностью прекратилось в годы военного коммунизма, гражданской войны и голода. Начавшееся при НЭПе производство сельскохозяйственного инвентаря было мало; продукция была очень дорогой и крестьяне могли покупать ее далеко не в том количестве, какого требовало сельское хозяйство. Программа 1925 года поставила себе целью возможно скорее улучшить это положение. Индекс промышленных цен, в том числе на с. х. инвентарь и орудия, был в то время приблизительно 200 (1913 год — 100), т. е. цены в золотом исчислении были в два раза выше, чем в довоенное время. Смелым решением (тяжелым для с. х. машиностроения) правительство —

«установило цены на сельскохозяйственные машины по довоенному прейскуранту, при этом в целях полного удовлетворения крестьянского спроса на сельскохозяйственные машины признало необходимым наряду с максимальным расширением сельскохозяйственного машиностроения в СССР соответствующий ввоз сельскохозяйственных машин из-за границы».

Это исключительное льготное снабжение деревни имело в виду лишь 1925 год, но его срок был несколько удлинен. Его эффект был очевиден. Крестьянские покупки с. х. инвентаря и машин сразу увеличились и ни для кого не было тайной, что значительное число орудий и машин (жатвенные машины, веялки и т. д.) покупали зажиточные крестьяне и кулачество. Правые коммунисты этого, конечно, не боялись. С помощью лучшей техники они хотели увеличить сельскохозяйственную продукцию, в частности, для экспорта, от величины которого зависел импорт всего необходимого для расширения отечественной индустрии.

Выроставший на дрожжах идей троцкистской оппозиции сталинизм постарался и в этом вопросе изменить политику правых коммунистов. В октябре 1927 года — в этом месяце всяких зловердных решений, — было постановлено:

«ограничить снабжение сельскохозяйственными машинами кулацких элементов, выработав для этого соответствующие нор-

мы (уменьшение доли кулаков в общей сумме реализуемых машин, расплата наличными и т. п.)».

Не нужно доказывать, это без того ясно, что ограничение в снабжении сельскохозяйственными машинами хозяйств, являвшихся очень значительными их покупателями, и на бедном и сером фоне деревни служивших как бы показательным типом хозяйств, поучительным экономическим примером, отражалось на ходе развития всего сельского хозяйства. Боясь нажима на них, обвинений в эксплуатации батраков, многие хозяйства уменьшали применение наемного труда, надеясь заменить его машинами, а когда снова было ограничено применение и машин, хорошо поставленные хозяйства начали терять свою силу и сельское хозяйство от этого **деградировало**.

VII. Забота о развитии сельского хозяйства составляла одну из доминантных идей правого коммунизма, искавшего способствующих ускорению этого развития всякого рода рычагов и мероприятий. Зная, что крестьяне платят большие косвенные налоги и имеют дело с «ножницами», с невыгодным для них соотношением между ценами покупаемых промышленных изделий и продаваемых ими сельскохозяйственных продуктов, правые коммунисты в своей программе 1925 года хотели уменьшить тяжесть прямых налогов на крестьян:

«В целях облегчения **процесса накопления** в сельском хозяйстве, развития животноводства и технических культур, в целях облегчения крестьянства на путях обеспечения его отвечающими современным условиям и задачам сельского хозяйства инвентарем, машинами, племенным материалом, культурными семенами — нужно с будущего года значительно снизить общий размер сельскохозяйственного налога, доводя его контингент до 280 миллионов рублей. Этот налог следует улучшить, устранить неправильное распределение налоговой тяжести между плательщиками и поставить размер налога в полное соответствие с мощностью хозяйств и условиями и особенностями сельскохозяйственного промысла».

Никакого уменьшения общей налоговой тяжести не могло быть, если, понижая сельскохозяйственный налог, одновременно повышать другие формы обложения. Именно это и случилось. Крик оппозиции, что деревня «богатеет», обгоняя

в этом отношении «пролетарский город», что кулаки накопили огромный капитал, привел к тому, что в апреле 1926 года, ровно через год после только сделанного обещания снизить обложение, Пленум ЦК, отступая перед оппозицией, декретировал «полное освобождение от налога малоимущих групп» и «усиленное обложение зажиточных и кулацких слоев». В дополнение к прежним статьям обложения, стали привлекаться все остальные источники доходов — пчеловодство, садоводство, огородничество и т. д. Общая сумма налога, падающего на сельское население, с 347 миллионов рублей в 1925 году возросла в 1926 году до 496 милл. рублей, а в 1927 году до 759 миллионов.²⁴⁾ Привлечение к обложению неучитываемых прежде статей дохода было законным, вполне справедливо было и освобождение от налога малоимущих групп, — но вот что было несправедливо с экономической точки зрения: за три года (1925-27) произошел рост обложения на 119%, причем главная тяжесть этого обложения была перенесена на верхушку, составлявшую не более 8% общего числа крестьянских дворов, доходы которых, разумеется, на 119% не поднялись.

VIII. Характеризуя программу правых коммунистов, нельзя не отметить борьбу ее авторов с варварской, жестокой практикой взимания налогов. Полагая, что «умеренная пеня по просроченным налоговым платежам вполне обеспечивает интересы казны», правые коммунисты требовали «исключить из практики взимания налога аресты и прочие административные меры, не указанные в законе», часто приводящие к полному расстройству хозяйства. Для «обеспечения целости и сохранности хозяйства», они настаивали на составлении «перечня предметов домашнего обихода, орудий и с. х. инвентаря, жилых и служебных строений, подлежащих продаже для покрытия налога, причитающегося с неисправного плательщика». Экономическое и гуманитарное значение подобного требования станет особенно ясным, если вспомнить, что при взимании налогов местные власти доходили, по признанию даже Сталина (в 1925 году!) до величайших безобразий. Бывали случаи, когда у крестьян в качестве наказания за просрочку налога разрушался амбар, а с избы снималась крыша.²⁵⁾

²⁴⁾ «Контрольные цифры народного хозяйства» на 1928/29 год.

²⁵⁾ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 1933 г. Стр. 158.

IX. «Кустарная промышленность, промыслы и ремесла имеют и будут иметь еще долгое время чрезвычайно важное значение в общей экономике СССР». Это убеждение правых коммунистов несомненно было правильным. Кустарная промышленность давала и могла давать городу и особенно деревне значительную и разнообразную продукцию (обувь, шубы, чулки, носки, металлические изделия, бондарное производство, мебель, телеги, войлочные изделия, канаты, шпагаты, веревки, столярные изделия и т. д.). В 1913 году в стране насчитывалось 4.400.000 кустарей. После революции их число сильно уменьшилось, и все-таки даже в 1928 году, по данным советской статистики, кустарей было 3.800.000. Кустарный промысел имел в деревне огромное значение. Он давал средства к жизни, был источником дохода масс избыточного населения, не находившего себе применения в сельском хозяйстве или дополнявшего ничтожный доход от этого хозяйства промысловой работой.

С 1919 года советское правительство не выпускало из поля своего зрения кустарей, загоняя их в объединения, производя в этой области самые фантастические эксперименты. К 1925 году оказалось, что кустари лишены избирательного права, что, при ничтожности в Советской России благ от этого права, не было бы особым несчастьем, если бы за этим не следовало отнесение кустарей в разряд «нетрудового элемента», иначе говоря, в разряд ненавистной «буржуазии». А такая квалификация приводила кустарей к положению, указанному Бухариным: у кустарей, как у нетрудового элемента, налоговым обложением отнималась почти половина их продукции! Их работа в убыток становилась бессмысленной, они ее бросали, увеличивая «избыточное население» людей, желающих работать, ищущих средств к жизни и в то же время налоговым обложением превращенных в безработных. И нужно отдать честь правым коммунистам, уже в конце 1924 года понявшим, что такое фантастически нелепое положение не может продолжаться. Отсюда решение 14 партконференции:

«настоятельно необходимо отказаться от причисления к нетрудовым элементам трудовых кустарей. Организовать простейшие формы массового объединения кустарей. Выделить специальные средства на поддержание и развитие промыслов. Установить увязку промышленной кооперации с государственной

промышленностью. Передавать промышленной кооперации заказы на изделия, необходимые для государственной промышленности и государственных органов. Включить в планы государственной промышленности программы снабжения кустарной промышленности».

Никакой страсти к созданию кооперативных объединений кустари не проявляли, но организуемая по новому промышленная кооперация кустарей почувствовала улучшение своего положения, когда по настоянию правых коммунистов — председателя ВСНХ Дзержинского и его помощника в этом деле члена коллегии ВСНХ С. П. Середы, — стала получать заказы от государственной промышленности и, главное, необходимые ей материалы и сырье.

Судьба промысловой кооперации в правление Сталина известна. Как кооперация, она исчезла. «Общие мастерские», в которые насильно сгоняли кустарей, превратились просто в скверно организованные фабрики.

Х. В аграрной программе правых коммунистов выдающееся место занимает **кооперативная часть**: в 1925 году, впервые после революции, делается попытка создать сельскохозяйственную кооперацию, несколько схожую с кооперацией довоенной и западноевропейской. То, что до тех пор называлось кооперацией, ничего общего с настоящей кооперацией не имело. Это были лишь особые государственные органы власти, руководившиеся коммунистической партией. О том, какие экстравагантные эксперименты с кооперацией производило правительство, можно судить, например, по постановлению девятого съезда партии в марте 1920 года:

«Подчинить организации отдельных групп более зажиточных кустарей, объединенных по различным отраслям сельскохозяйственной и кустарной промышленности, органам потребительской кооперации, как охватывающей все рабочее и крестьянское население. Прекратить самостоятельное существование всех всероссийских центров сельскохозяйственной и производственной кооперации и провести слияние их с Центросоюзом (управление потребительской кооперации) на правах секции. Подчинение потребительской организации должно носить административно-политический характер, а в производственно-хозяйственном отношении сельскохозяйственная кооперация должна находиться целиком в ведении ВСНХ и Наркомзема».

ведение этих указаний, по мнению съезда, создаст — «новые кооперативные формы, отвечающие хозяйственным и политическим условиям диктатуры пролетариата и могущие в дальнейшем послужить основой организации снабжения населения на коммунистических началах».

Читая теперь такое постановление, просто недоумеваешь, как могла прийти в голову подобная организационная абракадабра, как это могли называть кооперацией!

Двенадцатый съезд партии в апреле 1923 года и тринадцатый в мае 1924 года постепенно начинали отходить от бессмысленных экспериментов с кооперацией, но созданные приказами многочисленные, в хаотическом еле живом виде, существующие организации от этого настоящей кооперацией еще не становились. Тринадцатый съезд, заявляя, что крестьянин может быть подведен к социализму «только через коллективные формы организации, т. е. потребительскую и производственную кооперацию», обращал внимание, главным образом, на первую. Что же касается «производственной кооперации» в деревне, то, несмотря на уверенный тон указаний, вопросы, относившиеся к ней, и самые формы этой кооперации, съезду очевидно были неясны. Съезд, указывая, что в деревне происходил «рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря, начавшееся распространение применения общественного труда», предлагал всемерно поддерживать и поощрять эти «артельные и коллективные виды сельского хозяйства». Но **никакого роста «артелей, коллективов» в 1924 году не происходило. Их нужно было искать днем с огнем.**

Картина, изображенная съездом, глубочайше извращала действительность. Бросалось в глаза, что, говоря о кооперации, съезд имел в виду не столько ее социально-реконструкторскую хозяйственную роль, сколько ее политическое значение: кооперация для него — это организация борьбы «маломощных» с кулаком. Съезд цитировал знаменитую статью Ленина о кооперации, но в ней тогда еще не видели решающего доказательства, что в СССР есть возможность установить социализм без помощи победоносной революции на западе.

Ссылкой на разные документы, в частности, на писания генерального секретаря партии Сталина, можно показать, что те-

ория «построения социализма в одной стране» тогда еще не была в ходу. Мы уже говорили, что она начала приниматься правыми коммунистами в конце 1924 года и что под их влиянием она стала выражением официальных взглядов партии на 14 конференции. Обосновывая ее взглядами Ленина, правые коммунисты придавали его «кооперативному плану» исключительно важное значение. Но кооперирование было выдвинуто Лениным в туманно-телеологическом освещении. Он заявлял, что «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом», что «простой рост кооперации для нас тождествен с социализмом» и что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве».

В отличие от Ленина, правые коммунисты, уходя от туманного оперирования отвлеченным и неопределенным термином «кооперация», наполняли его конкретным содержанием; они говорили о кредитной кооперации, кооперации для переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, кооперации для снабжения крестьян разными средствами производства, о промысловой кооперации, потребительской кооперации. Впервые у главарей партии, в лице правых коммунистов, проявлялся практический и реалистический взгляд на кооперацию, выражающийся, например, у Бухарина словами:

«Кооперация должна привлекать крестьян тем, что дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, он должен получить дешевый кредит. Если это кооперация по сбыту — он должен иметь возможность с ее помощью более выгодно продавать свой продукт».

Это элементарнейший закон, без которого кооперация, теряя свой смысл, перестает быть кооперацией в том смысле, как она понималась в России до войны и понимается в «буржуазных странах». Но для Советской России это было **новой мыслью**, спуском из мира вреднейшей, напитанной насилием, фантазии к жизни.

Такой перелом мысли обязывал правых коммунистов установить совершенно новое отношение государственной власти к сельскохозяйственной кооперации и декретировать следующие постановления, важность которых очевидна:

«...принять серьезные меры к действительному изменению существовавшей в последний период практики **лимитирования** (насильственного понижения, Н. В.) цен на хлеб и сельскохозяйственное сырье, переходя на гибкое государственно-экономическое регулирование и соглашение **государственных и кооперативных заготовителей**. Такие соглашения ни в коем случае **не должны приводить к установлению обязательных цен для продуктов крестьян**. Решительно запретить при проведении регулирования цен на сельскохозяйственные продукты применение каких бы то ни было административных мер: штрафов, арестов и т. д. Виновных в нарушении этого порядка карать вплоть до отдачи под суд. Поручение **кооперации** государственных заготовок проводить не в порядке административно-обязательных заданий, а прежде всего в порядке экономического **согласования** этих заданий с условием банковского кредитования и вообще в порядке увязки с оказываемой кооперации финансово-экономической поддержкой государства. Основной предпосылкой для развития кооперации и привлечения к активному участию в ней широких масс населения должна явиться такая ее организация, которая полностью обеспечила бы **свободу выборов, ответственность и подотчетность избранных органов**». «Партийные и советские органы на местах не должны допускать административного вмешательства в кооперативную работу, должны заботиться о точном соблюдении кооперативных уставов. На кооперацию со стороны местных партийных, советских и профессиональных органов не должны ни в коем случае возлагаться задания, обязанности и расходы, несвязанные с кооперативной деятельностью и нарушающие уставы кооперации».

Было бы слишком хорошо, если бы все происходило и действительно устанавливалось так, как того требовали цитированные постановления. Советская кооперация в деревне в таком случае стала бы в 1925 году организацией самостоятельной, свободной, подобной настоящей кооперации. Этого, конечно, не могло быть в Советском Союзе, увенчанном «диктатурой пролетариата», т. е. диктатурой партии, устранившей в стране свободу слова, печати, союзов, выборов. Ведь ни одна организация не могла существовать без наличия в ней коммунистов, в качестве представителей властвующей партии занимавших руководящие посты.

Правые коммунисты, становясь реформистами, подсознательно чувствовали уродства своего строя, они как-то хоте-

ли их уничтожить или смягчить и в этом стремлении создавали себе иллюзию возможности какой-то свободы при строе, в самом своем существовании отрицающей свободу. Следует все же сказать, что даже ограниченная свобода, вернее сказать, более бережное, более практическое отношение к кооперации, создали тогда огромный подъем кооперативного движения. Этому подъему крайне способствовал следующий факт, относящийся тоже к области важных новшеств. Четырнадцатая конференция постановила, что:

«В целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни, необходимо предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации».

Это открывало закрытые до тех пор двери для вхождения в кооперацию зажиточных крестьян, без всякого их различия именовавшихся «кулаками».

Не считая, как на XIII съезде, что основная задача кооперации заключается в борьбе «малоимущих с кулаками», правые коммунисты все-таки обставили вхождение зажиточных крестьян в кооперацию следующим ограничением:

«Для обеспечения руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства, кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов».

На допущении, по настоянию правых коммунистов, «кулаков» в кооперацию, как на событии далеко не простом, нужно остановиться. В довоенной кооперации, развивавшейся в годы 1908-1914 с размахом и скоростью, о которых в 1923 году советский экономист Лозовой имел право писать, что — «мировая история кооперации не знает ничего подобного», самым активным ее строителем был совсем не бедняк и даже не середняк, а зажиточный крестьянин и кулак. Также явление повторилось и в 1925 году при допущении в кооперацию «кулака», активное участие которого в разного вида кооперации оказалось значительно большим, чем участие бедняка и середняка, — хотя коммунистическая партия усердно выдвигала середняка, а участие бедняка в кооперации

обставляла разными льготами и всяческими поощрениями. Данные т. н. «динамической переписи» 1927 года обнаружили, что бедняцкий слой деревни кооперирован, максимум, на 23%, середняк на 33%, зажиточные крестьяне на 40%, — а «кулацкая группа» кооперирована на 46%. Пленум ЦК и ЦКК в октябре 1927 года, обнаружив «относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни», повелел этому явлению положить **конец**, хотя это должно было отрицательно отразиться на активности сельскохозяйственных операций и вообще всех сельскохозяйственных операций. Правые коммунисты еще заседали в Политбюро, но страной уже не правили. **Она катилась к сталинизму.**

XI. Среди разных видов кооперации в деревне одному из них, именно кредитной кооперации, в 1925 году отводилось виднейшее место. Требование уделить ей «особенное внимание» для нас интересно тем, что этот вид кооперации более, чем какой-либо другой, правые коммунисты **хотели организовать и развивать по довоенному образцу.** Прежнее развитие кредитных товариществ, число которых с 1.630 в 1905 году возросло до 14.586 в 1914 году, несомненно произвело на них очень большое впечатление. Это видно из тезисов о кредитной кооперации, помещенных в «Правде» 11 апреля 1925 года, подписанных Калининным, Шейманом, Шефлером и другими. Для них кредитная кооперация дореволюционной России являлась поучительным примером, ибо «концентрируя значительные средства», она объединяла «около 12 миллионов крестьянских дворов», что являлось «неопровержимым доказательством ее массового характера». Направляемые на развитие хозяйства капиталы кредитной кооперации слагались в дореволюционной России, как всюду в мире, из паев, вкладов и заемных средств. По такому довоенному образцу намечалась и аккумуляция капитала в советской кредитной кооперации. И так как паевой капитал не мог быть велик, большое значение должны были получить вклады деревенского населения. Чтобы их привлечь, 14 партконференция постановила: «в практике кооперативной деятельности должна быть строго обеспечена **гарантированная законом тайна вкладов**» — и об этом важном «буржуазном» правиле было широко оповещено деревенское население.

Деловая постановка кредитной кооперации обеспечила ей в

1925 году большой успех: вклады стали поступать, кредитные операции расти и умножаться. Потом этот процесс был сорван двумя обстоятельствами: во-первых, сельские и волостные комячейки, наступая на так называемых «кулаков», никакой тайны вкладов не признавали; во-вторых, пленум ЦК в апреле 1926 года постановил, что накапливаемые в кредитных и вообще кооперативных учреждениях средства должны идти на развитие «прежде всего индустриализации».

Таким образом замысел правых коммунистов сделать кредитную кооперацию рычагом развития всего сельского хозяйства и другой кооперации (сбыта продуктов, покупки средств производства) оказался уничтоженным. Вместо добровольно участия, в кредитной кооперации стало вводиться участие принудительное, с большим повышением пая более или менее зажиточных крестьян. За три года — 1925-28 — паевые и вкладные суммы во все виды кооперации возросли только на 69 миллионов рублей, тогда как в прежней России вклады в кредитные товарищества в деревне со 150 милл. рублей в 1910 году возросли в 1914 году до 473 милл. рублей. К 1928 году кредитная кооперация, как кооперация, перестала существовать. Приступ к образованию колхозов, с принудительным накоплением методом «военно-феодалной эксплуатации» крестьянства, заменил добровольное накопление в деревне, провозглашенное в 1925 году правыми коммунистами. И это по их адресу в «Контрольные цифры на 1928-29 г. г.» были внесены следующие слова: **«путь накопления в сельском хозяйстве должен быть иным».**

XII. Полемизируя с Бухариным, Ю. Ларин писал: «Чье лицо намерено пристально смотреть на деревню? Лицо пролетариата, а это означает покровительство колхозам, а не кулакам». Возражая Ларину и упрекая его в упрощенческом подходе к вопросу, Бухарин говорил: «У меня прежде всего кооперация и кроме того колхоз. У Ларина есть только колхоз. Колхоз есть могущественная штука, но это не столбовая дорога к социализму, а у Ларина именно столбовая дорога». Это Бухарин говорил в апреле 1925 года на 14 партконференции, — но так как с разных сторон шли упреки, что новый курс в деревне, инспирируемый взглядами Бухарина, сводит на нет значение колхозов, последний счел нужным в написанной им и принятой пленумом ЦК в октябре 1925 года резолюции сделать следующего рода заявление:

«Всемерно содействовать строительству колхозов маломощного и среднего крестьянства, усиливая кредитную помощь и особенно облегчая им приобретение сельскохозяйственных машин (в частности тракторов). Наряду с этим необходимо усилить поддержку развития простейших видов коллективизации (артели, машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по совместному использованию скота), особенно обращая внимание на вовлечение в эти товарищества маломощных хозяйств».

Мероприятия последнего вида (кстати сказать, составлявшие программу старого народничества, в 80 и 90-х годах) должны были, по мнению Бухарина, показать всем, какое большое значение он придает не только колхозам, а даже самым простейшим видам коллективизации. Но Бухарин все-таки не проникся убеждением, что «колхоз — столбовая дорога к социализму», и в той же резолюции писал:

«Вместе с развязыванием товарищества, с усилением торговой связи деревни с городом, приобретают все большее значение задачи развития кооперации в деревне, как **главного средства** вовлечения хозяйства основной массы крестьянства в русло социалистического развития».

Словом, Бухарин повторил свою прежнюю формулу: — «кооперация и, кроме того, колхоз». В статье в «Большевике» (1925 год, № 9-10), настаивая на значении именно кооперации, он писал: «Совершенно не нужно смущаться тем, что в кооперации дело начинается не с производства, а с обращения. Логика вещей обязательно приведет к тому, что вслед за кооперированием в области обращения неизменно будет идти разными путями и кооперирование производственное».

Бухарин не был одинок, говоря, что колхоз не есть столбовая дорога к социализму. Такого же убеждения держались **все правые коммунисты**, и в этом тоже одна из **важных черт** созданной в 1925 году «доктрины» правого коммунизма. Под натиском сталинизма, стремившегося к уничтожению индивидуального хозяйства и к насильственному построению колхозов вместо разного рода кооперации, охватывающей индивидуальное хозяйство, правые коммунисты все время отступали, подчиняясь решениям сталинского большинства в Политбюро и ЦК, но внутренне от своего убеждения они не от-

казывались. В 1928 году для заготовки, вернее сказать, для захвата хлеба, был пущен в ход весь арсенал разнузданных методов военного коммунизма. Резко осуждать эти методы, защищать право на существование индивидуального крестьянского хозяйства, настаивать на том, что колхоз не есть «столбовая дорога» к социализму, стало опасно. Тем не менее, Рыков это сделал в речи, произнесенной в июле 1928 года после пленума ЦК:

«Один из очень ответственных товарищей (Рыков имел в виду Сталина, Н. В.) недавно говорил так: «развитие производительных сил у нас совершается в формах коллективизации сельского хозяйства и в иных формах совершаться и не может». Допустим на минутку, что 100 миллионов крестьян поверили этому товарищу. Спрашивается, зачем он тогда будет защищать советскую власть? Товарищи, ставящие крест на развитии индивидуальных хозяйств, держатся в корне ложных и вредных взглядов. Ведь у нас урожайность с десятины в настоящее время достигает в среднем 40-50 пудов, тогда как в европейских странах она выше 100 пудов. Возможности повышения урожайности даже такими относительно элементарными мерами, как замена деревянной сохи плугом, как улучшение семян, удобрение — огромны. В этих условиях забывать об индивидуальном хозяйстве, не заботиться об его развитии, внедрять в сознание крестьян, что они не могут улучшить обработку земли и собирать больший урожай, чем теперь — значит толкать страну на новые и новые кризисы. Важнейшей задачей партии является развитие индивидуального хозяйства крестьян при помощи государства в деле их кооперирования и при систематическом и все возрастающем ограничении эксплуататорских (кулацких) элементов. Но наступление на кулаков, разумеется, не методами так называемого раскулачивания».²⁶⁾

На заседаниях Пленума ЦК правым коммунистам удалось добиться осуждения только что примененного при хлебозаготовках насилия в духе военного коммунизма и введения в резолюцию Пленума следующих строк:

«Обеспечить содействие дальнейшему подъему производительности индивидуального мелкого и среднего крестьянского

²⁶⁾ Рыков. Текущий момент и задачи партии. 1928, стр. 34.

хозяйства, которое значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране».²⁷⁾

Это была уже лебединая песнь правого коммунизма.

*
* *
*

На предыдущих страницах мы обильно цитировали резолюции 14 конференции с их дополнением решениями Пленума ЦК, происходившего за несколько дней до конференции. «Большая Советская Энциклопедия», том 53, 1946 г., стр. 323, называя резолюцию 14 конференции «одним из важнейших документов в истории нашей партии», пишет, что «в основу тезисов 14 конференции легло ленинское положение о победе социализма в одной стране, исчерпывающе обоснованное в известной работе Сталина — «Октябрьская революция и тактика русского коммунизма», появившейся в декабре 1924 г.». Это ложь. В апреле 1924 года Сталин в брошюре «Основы ленинизма» (потом изъятая им из обращения) писал, что построение социализма в России **без мировой революции**, «без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран — **невозможно**». К концу 1924 года Сталин круто изменил свой взгляд под влиянием правых коммунистов, Рыкова и Бухарина, которые, взяв «ленинское положение о строительстве социализма в одной стране», придали началу этого строительства **реформистский, осторожный, умеренный характер**. Это уже позднее, ставши полновластным диктатором, Сталин идею построения социализма в одной стране превратил в кровавую пытку населения.

Слагавшуюся доктрину правого коммунизма мы представили кратким очерком, а не каким-то трактатом, исчерпывающим все вопросы. Схоластической полемики, относящейся к характеру советских государственных предприятий, названных Лениным «предприятиями последовательно социалистического типа», мы не касались, предпочитая выдвигать вопросы более существенные. В их числе нам кажется очень важным, хотя бы кратко, указать на то, какое влияние на **состояние, на «самочувствие»** населения оказывало в 1925 году правление правых коммунистов, их политика, их доктрина.

²⁷⁾ КПСС в решениях съездов. Часть II, стр. 513.

В журнале «На аграрном фронте» появилась статья, требовавшая «беспощадно разоблачать специалистов того типа, образец которого дан профессором Кондратьевым». На эту статью А. П. Смирнов ответил следующим письмом в редакцию «Правды» (9 мая 1925 г.):

«Проф. Кондратьев в течение многих лет работал в Наркомземе. За два года, в течение которых я руковожу Наркомземом, я имел полную возможность убедиться в том, что в лице проф. Кондратьева мы имеем в высшей степени добросовестного, энергичного и знающего сотрудника, работающего поистине не покладая рук. Легкомысленная травля таких работников есть проявление комчванства, с которым надо бороться».

В Наркомземе работал не один только Кондратьев — бывший народник. Там добросовестно работала целая группа народников, среди них проф. Макаров (в 1929 году объявленные «кулацкой партией», все они из жизни исчезли). Не покладая рук, другие добросовестные и знающие специалисты, — бывшие меньшевики, народники, кадеты, беспартийные и бывшие правые, — работали в трестах, синдикатах, Госплане, ВСНХ, Наркомфине, Наркомвнуторге. Благодаря этим специалистам ускоренно, огромными прыжками, восстанавливалась промышленность. Крупная промышленность, управляемая ВСНХ, в 1924 году достигла 40% довоенного уровня, в 1925 году она возросла уже до 62%, в 1926 году — до 89%, а в 1927 году в ценностном выражении она начала превышать довоенный уровень. Выезд в 1925 году беспартийных специалистов за границу для ознакомления с разными техническими и научными новшествами был крайне облегчен и практиковался широко. Благодаря этому, специалисты не только восстанавливали промышленность, но и реконструировали ее на более высоком уровне. Так, началась механизация добычи угля, кроме Америки не существовавшая нигде. В нефтяной промышленности электрофицировались промыслы и шла замена таргального способа добычи нефти добычей с помощью глубоких насосов. В машиностроительной индустрии началось производство нового типа станков, новых машин, паровозов, точной механики, радиотехники, самолетостроения; начала развиваться и химическая промышленность.

Огромна была роль беспартийных специалистов в разработке проблем планирования и введения планового начала в управлении экономики. В ВСНХ — в органе, управляю-

щем и планирующем всю крупную промышленность, — важнейшие посты занимали бывшие меньшевики: Главным Экономическим управлением ВСНХ ведал Гинзбург, торговой политикой — Соколовский, финансовым отделом — Штерн, статистикой ВСНХ — Кафенгауз, редактором газеты ВСНХ был Валентинов. В 1925 году в ВСНХ образовался так называемый «Освок» — «Особое совещание по восстановлению основного капитала промышленности». Но занималось оно не просто восстановлением этого основного капитала, а его расширением и заменой новым, на протяжении, начиная с 1925 года, пяти лет. Такого же рода комиссия была организована и в Госплане, имевшая дело уже не с одной промышленностью, а с народным хозяйством в целом.

Над этой проблемой и над годовыми, т. н. «контрольными цифрами» народного хозяйства, работала обширная коллегия некоммунистической интеллигенции, среди которой видное место занимали бывший меньшевик Громан и бывший большевик Базаров. Так появились, получившие мировое значение, знаменитые пятилетние планы, в разработке которых беспартийная интеллигенция играла выдающуюся роль, такую же большую, какую она играла при Ленине при создании плана «Гоэлро» — электрофикации России. В ВСНХ сводный план развития промышленности на 1925-1930 годы составил, опираясь на коллегия сотрудников, бывший меньшевик Гинзбург. Сложные подсчеты изменения и роста основного капитала индустрии произвел б. меньшевик Гринцер. Финансовые перспективы развития индустрии дал беспартийный Абрамович. Географическое размещение новых построек обрисовал беспартийный Жданов.

Работая, не покладая рук, многочисленные кадры специалистов, интеллигенции, ставшей из партийной беспартийной, совсем не чувствовали себя в 1925 году нулем, последней спицей в огромном аппарате советского государства. Высшее начальство, именно правые коммунисты, их высоко ценило. Дзержинский, председатель ВСНХ с 1924 по июль 1926 года, на слова Ю. Ларина, что в ВСНХ царит «засилье меньшевиков», ответил:

«Пожелаю, чтобы и в других Наркоматах было бы такое же засилье. Бывшие меньшевики, занимающие в них ответственные посты, замечательные работники. Их нужно ценить. Мы очень многое потеряли бы, если бы у нас их не было».

Речь Дзержинского на 14 партийной конференции показывает, как относились правые коммунисты вообще к техническому беспартийному персоналу:

«Надо, говорил Дзержинский, покончить в этой области с остатками комчванства. Без знаний, без учебы нашей собственной, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала, мы не сможем поднять высоко нашу промышленность. Необходимо создание новых бытовых и дружественных отношений к специалистам. **Им надо дать какую-то конституцию на заводах и в управлении заводами и фабриками.**»

Преобладающая масса беспартийных специалистов считала, что с капитализмом в России навсегда покончено, что реставрация прежних общественных отношений невозможна и что нужно жить и работать в появившемся новом строе с надеждой на его эволюцию, на то, что он станет более демократическим. Специалисты относились с враждебностью к троцкистской оппозиционной политике, потому что троцкисты смотрели на крестьянство, как на «дойную корову», и для форсированного, максимального развития промышленности требовали непосильных для населения жертв и напряжения. И наоборот, объявленная в 1925 году новая политика правых коммунистов вызывала у беспартийных специалистов полное сочувствие, в особенности такие лозунги, как искоренение приемов военного коммунизма, смягчение классовой борьбы, **установление гражданского мира.** Правильно или нет — это особый вопрос, — но во всем этом видели логическое и углубленное продолжение взглядов Ленина в последнее время его жизни.

Все речи Бухарина и Рыкова имели среди беспартийной интеллигенции **огромный успех.**

Очень большое и одобрительное внимание привлекли изданные в 1925 году аграрные законы, устанавливавшие, по мнению интеллигенции, возможность действительного, без коммунистических фантазий, развития сельского хозяйства. Полное одобрение выражали беспартийные специалисты и политике, которую вел в ВСНХ их начальник, Дзержинский, относившийся бережно к нуждам крестьянства, к требованиям деревни, и категорически отрицавший тяжелые, непосильные для страны темпы развертывания индустрии. **Оптимизм и вера в положительную эволюцию власти** — такова

характерная, именно в 1925 году, черта психологии работавшей в хозяйственных наркоматах беспартийной интеллигенции, сблизившейся в своей работе с правыми коммунистами.

Стоит упомянуть, что некоторой части ее совсем не казалась фантастической идея «построения социализма в одной стране». А почему бы и нет? — говорили они, указывая в первую очередь на необъятные естественные богатства России, способные при разумной их эксплуатации дать требуемое социализмом благоденствие населению. И если для прочной базы социализма нужна мощная индустрия — то не свидетельствует ли быстрое, и без экстраординарных мер, развитие промышленности до 1914 года, что такая задача может быть разумно решена? **Весь вопрос, как строить социализм?** После спуска на тормозах, проделанного в 1921 году Лениным, многие видели в политике Бухарина, Рыкова и других правых коммунистов «второй спуск на тормозах» (ходовое выражение того времени), новый значительный отход от понимания и проведения социализма в духе военного коммунизма. И это питало надежду, что эволюция на этом этапе не остановится, пойдет дальше.

Перейдем от промышленности к торговле. Введение НЭПа вызвало к жизни частную торговлю, огромную спекуляцию и почти полный захват «нэпманами», выплывшим частным капиталом, розничной и в значительной части оптовой торговли. Жестокие удары ГПУ по спекулянтам и начавшаяся организация государственной потребительской кооперации сжали частную торговлю. В оптовой торговле частный капитал, на долю которого в 1924 году приходилось 18% оборота, сократился до 8% в 1925 году и до 7% в 1926 году, чтобы потом совсем из нее исчезнуть. В розничной торговле доля частного капитала составляла: в 1924 году — 66%, в 1925 году — 48%, в 1926 году — 44%, — и далее она постоянно снижалась. Но зная, что без частной торговли, при плохой постановке дела в государственной и кооперативной торговле, не обойтись (иначе получилась бы торговая пустыня), правые коммунисты, как мы уже видели, дали очень разумный приказ: не убивать административными мерами частную торговлю; она нужна, бороться с нею нужно конкуренцией, а не ударами ГПУ. «Кооперативная и государственная торговля, — гласила резолюция 14 конференции, не может полностью обслужить возрастающего оборота в стране, в силу чего в об-

ласти торговли остается значительное место для участия частного капитала».

Такое отношение к частной торговле, после ударов по ней в 1923 и 1924 годах, создало ей в 1925 году новое и особенное положение. Слова Рыкова, что частный капитал, работающий легально, преступным не является, произвели впечатление. В том же направлении действовала и речь, произнесенная Дзержинским 1 апреля 1925 года при открытии съезда местных торгов:

«Наша задача — полное использование частного капитала, отнюдь не ставка на его уничтожение, о чем упорно многие думают. Я против частного капитала в большом и даже среднем опте, но считаю, что без низового частного торговца нам никак сейчас не обойтись. Без хорошо поставленной торговли нет удовлетворения потребностей населения, а наладить это дело с помощью кооперации и государственной торговли я не вижу возможности. Я ничего не имею против крестьянина, который, заработав 100 или 200 рублей, занялся бы в деревне торговлей. Прогрессом является каждый торговый пункт, появляющийся там, где ныне нет и признаков торговли. Наша торговая сеть до ужаса малочисленна, во многих местах ничего нет. Но чтобы частный торговец, в особенности в деревне, не грабил, не спекулировал, его нужно поставить в здоровые условия, взять в защиту от местных администраторов, ведущих, вопреки постановлению партии, политику удушения частного торговца».

Самое главное, что в этом вопросе было сказано — это постановление Пленума ЦК все в том же апреле 1925 года: устранить препятствия для частной торговли и «правильными и исключительно экономическими мерами включить ее работу в общую товаропроводящую цепь советской торговли».

Это было частное выражение общей мысли Бухарина, что мелкая буржуазия может быть с пользой включена в работу строительства социализма. Частная торговля, поставленная в сносные условия в смысле снабжения товарами, при возможности нормально пользоваться железнодорожным транспортом для перевозки товаров (тут прежде были постоянные препятствия), при спаде на местах административного разгула и произвола, стала избегать спекуляций и пробовала включиться в общую цепь государственно-кооперативной торговли. В этом отношении 1925 год для нее — **особенный год.**

Троцкистская оппозиция во главе с Пятаковым, требуя нажима на частную торговлю, доказывала, что прибыль частного капитала огромна, что в 1925 году она составила, якобы, не менее **400 миллионов рублей** и что это угроза всему бытию советского хозяйства. Дебаты по этому вопросу происходили в июле 1926 года на Пленуме ЦК. В пламенной речи против Пятакова Дзержинский, а за ним и Бухарин, показали, что **400 инкриминируемых миллионов** есть не чистая прибыль, а валовой доход **323.000 частных торговых предприятий**. Если, говорили Дзержинский и Бухарин, положить на содержание каждой семьи частных торговцев **80 рублей в месяц** (такой заработок имели тогда **40% рабочих индустрии ВСНХ**), т. е. около **1000 рублей в год**, это составит для всей массы торговцев **323 миллиона рублей**. Значит, их накопление, чистая прибыль — не **400**, а в лучшем случае **77 миллионов**, сущие пустяки в сравнении с доходом общественного сектора советского хозяйства.

Как известно, через три часа после этой своей речи, Дзержинский скончался от разрыва сердца. Его смерть опечалила сотрудников ВСНХ и беспартийных специалистов, хотя бы уже потому, что в его правление аресты в их среде, можно сказать, исчезли.

«Жутко было, когда во главе ВСНХ стал Дзержинский. А теперь спецы, вплоть до бывших монархистов, готовы памяти Дзержинского панихиду служить», — писал из Москвы в берлинский «Социалистический Вестник» один из его корреспондентов. Это была сущая правда.

Посмотрим теперь, что происходило в правление правых коммунистов в сельском хозяйстве, в деревне. Прежде всего бросается в глаза огромный рост сбора зерновых хлебов, вследствие увеличения посевной площади, лучшей обработки полей и благоприятных метеорологических условий. Сбор, составлявший в 1924 году **514 милл. кинталов**, дал изумительный прирост на **45%** и оценивался в 1925 году в **746 милл. кинталов**. В 1926 году он увеличился, дойдя до **783 милл. кинталов** (во все последующие годы, в правление Сталина, он уже падал). И хотя урожаем еще не достигал довоенного уровня, хлеб, вследствие уменьшения его экспорта зараницу, был в стране в изобилии. Деревенское население его потребляло значительно больше, чем до войны.

Рядом с восстановлением зернового хозяйства и техничес-

ких культур, шло усиленное восстановление поголовья скота. За 1924-26 годы число лошадей возросло с 25,7 миллионов голов до 29,2 миллионов, крупного рогатого скота — с 59 милл. до 65,5, стадо овец и коз возросло со 109 милл. до 132,5 млн. голов, число свиней осталось на прежнем уровне. Увеличение в сравнении с 1916 годом стада скота и лучший уход за ним дали мяса и молока больше, чем в довоенное время, что позволило усилить продажу их в городе и увеличить потребление в деревне. В 1925 году число беспосевных хозяйств сократилось, число крестьянских дворов с обычным у середняков посевом увеличилось, также, как увеличилось и число зажиточных (т. н. кулацких) хозяйств с площадью посевов, превышающей средний посев. Таких зажиточных хозяйств считалось около миллиона, их посевы достигали **30 миллионов десятин**. Ускоряемые приказом начальства и Наркомзема землеустроительные работы, вырезая хутора, уничтожая чересполосицу и длинноземелье, дали возможность осуществлять рациональную организацию землепользования — и **1.300.000** хозяйств стали переходить к многополью на более, чем **10** миллионах десятин.

Разрешение «кулакам» (т. е. зажиточным хозяйствам) принимать участие в кооперации, имело **огромное значение** в деле строительства разного рода кооперативных организаций. В 1922 году насчитывалось 22.158 еле живущих, хилых, уродливых организаций, незаконно называемых кооперацией. В 1926 году насчитывалось уже 55.122 кооперативных предприятий и многие тысячи из них, пользуясь появившейся относительной свободой, стремились «самоопределиться» в настоящие кооперативные организации. Особенно быстро слагались кредитные товарищества (16.184) и товарищества по переработке и сбыту сельских продуктов (8.803).

1925 год и первая половина 1926 года были **поистине наиболее счастливым периодом в жизни деревни**, намного лучшим, чем предшествующие годы и неизмеримо лучшим, чем годы пришедшего потом сталинизма. Это было счастливое время не только из-за большого улучшения материального положения, но еще и потому, что сельское и волостное начальство и комячейки, эти носители и проводники внизу духа военного коммунизма, наследники безобразных комитетов бедноты 1918 года, были принуждены под давлением сверху, при новой политике правых коммунистов, разжать

административные тиски, меньше проявлять хамское своеволие, меньше насильничать и управлять крестьянами. Пропаганда колхозов развивалась, их поощряли разными льготами, всяческим снабжением, финансированием, тракторами, но деревня в колхозы не шла. Даже в 1928 году, после всяческого выращивания колхозов, вошедшие в него хозяйства составляли менее 2% (1,8%) общего числа крестьянских хозяйств. 1925 год ясно показал, что деревня, свободнее и спокойнее дыша, стремится к свободному крепкому индивидуальному хозяйству, опирающемуся в своем развитии, также как до 1914 года, на многочисленную сеть подлинной кооперации. **В 1929 году этот путь был насильно пресечен и затоптан.**

Нам остается сказать, что происходило в 1925 году в рабочей среде городов. Восстанавливающаяся промышленность позволила начать быстрое восстановление реальной заработной платы рабочих. В 1913 году месячная заработная плата составляла 32 рубля 56 копеек. Она упала до 13 рублей 56 копеек в 1922 году, потом стала быстро подниматься: в 1924 г. — 24 р. 68 к., 1925 г. — 30 р. 02 к., 1926 г. — 31 р. 30 к. Как видим, в 1925 году, зарплата уже подходила к довоенной, — а если принять во внимание социальное страхование, которого в 1914 году в таком размере не было, и сокращенный рабочий день, то положение рабочих стало значительно лучше, чем до октябрьской революции. Благодаря восстанавливающемуся сельскому хозяйству, обильному поступлению в город хлеба, мяса, молока, рабочие городов питались **в 1925 году так хорошо, как никогда до этого времени.**

Оппозиция, ведя демагогическую агитацию, утверждала, что в индустрии, на фабриках и заводах, восстанавливались суровые порядки капиталистического времени. Этого никак нельзя сказать о 1925 году, когда очень упала трудовая дисциплина, увеличились прогулы по неуважительным причинам и особенно после праздников. Для советского строя с его т. н. «диктатурой пролетариата» стачки на государственных предприятиях вещь невозможная, недопустимая, — а в 1925 году, несмотря ни на что, они вспыхивали, и уже не от голодовки, как в 1923 году, а по другим поводам. Нежелание подчиняться ближайшему начальству и проявление очень часто большой грубости по отношению к нему, что выражало первое и примитивное появление какого-то чувства свободы,

было характерным для многих рабочих в 1925 году. Профессиональным союзам, комячейкам предприятий, заводским комитетам было трудно бороться с этим появившимся чувством, так как правящая верхушка в это время призывала к смягчению «администрирования», прекращению «нажимов», к «большей гибкости» и большей самодеятельности масс.

Мы дали, конечно, далеко не полную картину того особого времени, каким был 1925 год, с наложенной на нем печатью идей, доктрины или школы правого коммунизма. Совокупность этих идей, хотя она и находилась под внешним колпаком самых заскорузлых, топорных, заезженных марксистско-ленинских формул, по своей сути имела **реформистский, ревизионистский** характер. Этим же путем правого коммунизма хотел идти в Польше Гомулка, его же имела ввиду венгерская революция 1956 года.

Но ревизионизм правых коммунистов появился в партии, всем своим воспитанием, всей историей своей, — несмотря на размагничивание Ленина в последнее время его жизни, — нутром сопротивлявшейся тому, чтобы принять, переварить усвоить этот ревизионизм. В течение последующих двух лет партийные инстанции будто бы подтверждали решения 14 конференции, но все это было **лживо**. Доктрина правого коммунизма начала подрываться и отвергаться с самого момента ее формулирования. Ее немедленно и полностью отвергли Пятаков, Преображенский, Серебряков, И. Н. Смирнов и все прочие «троцкисты», шедшие за Троцким еще в 1923 году. Они жаждали раздавить налогами частный капитал и в крестьянине-средняке, о котором так много говорил правый коммунизм, видели лишь спрятанного дьявола-кулака. В сущности они отвергали всю систему НЭПа. У них была задача — «гегемония» до максимального размера распухшей промышленности, нарощение многомиллионного пролетариата, неутопающего в крестьянском мире и его полностью себе подчиняющего и подавляющего.

В 1925 году их вождь, Троцкий, упорно молчал. Это загадочный период в его жизни, — он, однако, может быть расшифрован с помощью верноподданнического письма

Троцкого в редакцию «Большевика» (1925 г., № 16). Но в конце 1925 года Троцкий уже начал будировать, а в 1926 году, возвратясь из поездки в Берлин, он бросил проклятие по адресу всей правой политики 1925 года:

«СССР слез с пролетарских рельсов. Политика партийного руководства сдвинула свой классовый стержень: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от батрака и бедняка к кулаку. За спиной аппарата стоит ожившая внутренняя буржуазия. Идет курс кооперации на производственно-мощного середняка, а над ним выступает никто иной, как кулак».

Зиновьев и Каменев в первые месяцы 1925 года не особенно обнаруживали свою оппозицию и даже публично защищали все решения 14 конференции. Но в середине 1925 года их поведение изменилось. Они начали показывать зубы. Огромную роль в этом изменении имели учащающиеся личные стычки их со Сталиным, который эти стычки провоцировал. В 1923 и 1924 годах страна управлялась тройкой — Зиновьевым, Каменевым, Сталиным; главным их врагом был Троцкий. Отняв, с помощью Зиновьева и Каменева, авторитет у Троцкого и унизив его, Сталин с помощью правых коммунистов — Бухарина, Рыкова, Томского, — стремился повалить Зиновьева и Каменева, чтобы потом, идя к единоличной власти, перешагнуть и через правых коммунистов.

Почему Зиновьев восставал против политики правых коммунистов? Его ортодоксальную марксистско-ленинскую (Ленин до НЭПа) позицию можно представить, извлекая существенные, сознательно до конца невысказываемые, пункты речей на XIV съезде в декабре 1925 года. Его позиция была такова:

«Идет ревизия ленинизма». Школа Бухарина ревизует ленинизм и «отступает от классовой точки зрения». О ленинизме сейчас говорят, «как о Ветхом Завете», говорят, что не нужно много цитировать Ленина, так как у него, «как у дядюшки Якова, товара всякого». У нас идеализируют, «подсахаривают НЭП», делаются попытки объявить НЭП социализмом. Игнорируют такие вещи, как «свободу торговли, существующие у нас формы распределения и торговли, неизбежное нарастание капитализма из индивидуальных крестьянских хозяйств». «Ряд крупных разногласий, среди основного ядра большевиков-ленинцев, свя-

занных с вопросом о крестьянстве, мы в течение долгого времени, так сказать, загоняли в одну комнату», — теперь они из нее выходят. Ученики Бухарина хотят «расширения НЭПа в деревне. НЭП есть отступление, а в Политбюро кое-кто говорит, что нецелесообразно употреблять слово отступление». «За год крестьянской политики мы не сблизились с бедняками», но кулакам Бухарин бросил призыв «обогащайтесь». Кулак не единственная опасно-враждебная нам сила. «Кулак имеет допполнение в городе». Его «дополняют нэпманы, верхушка специалистов, верхушка служащих, буржуазная интеллигенция и капиталистическое международное окружение, которое питает, благословляет и поддерживает кулака». Крестьянина середняка можно и должно назвать мелким буржуа, а кто этого не видит, тот «беспорядочно идеализирует середняка». «Кто не хочет по-ленински сказать всю правду о кулаке, тот неизбежно подсовывает своему оппоненту недооценку середняка». «Социализм не на мази для того, кто не докажет, что у нас есть 110% середняков». «Бесспорно мы строим социализм, но спорим о том, можно ли окончательно построить социализм в одной стране и при том не в такой стране, как Америка, а в нашей крестьянской». «Года два назад вопрос этот не вызывал в нашей среде никаких споров, был совершенно ясен. Сталин писал: «свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Можно ли разрешить эту задачу, без совместных усилий пролетариев **нескольких передовых стран? Нет, невозможно.** Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах». «Вот постановка вопроса, которая в 1924 году была абсолютно бесспорна среди ленинцев. Только теперь, и не без успеха, запутывают этот вопрос так, что действительно перестаешь различать, где же его настоящая, правильная, ленинская постановка».

Позиция Каменева, едко нападавшего на Бухарина, аналогична Зиновьевской:

«Бухарин настаивает на том, что будто бы основная задача партии это ликвидация военного коммунизма, но разве главная опасность в рецепте военного коммунизма? Опасность не в нем, а в недооценке отрицательных сторон НЭПа. Если в 1925 году есть какое-либо более или менее оформленное течение, пред-

ставляющее искажение подлинной линии партии, то это именно то течение, которое приукрашивает отрицательные стороны НЭПа». «Опасность — в росте капиталистических отношений в деревне, нэпманов в городе». Опасность — в «сползании в нашем идейном аппарате, в «Правде», в школе бухаринских учеников-пропагандистов, которые, не встречая серьезного отпора со стороны ЦК, наоборот, пользуясь прикрытием со стороны известной группы ЦК, распоясались и ведут зловредную агитацию, зловредную **ревизию ленинизма**». «На 14 конференции мы пошли на допущение аренды земли и наемного труда в сельском хозяйстве», но «тот, кто думает, что это уступки середняку — не имеет ничего общего ни с ленинизмом, ни с марксизмом». Нужно осудить новую теорию, забывающую, что «расширение НЭПа есть расширение и оживление капиталистических элементов, т. е. кулачества и нэпманства».

В критике правых коммунистов Зиновьев и Каменев не оставались одинокими. В Ленинграде, где Зиновьев царил в качестве председателя Совета Рабочих Депутатов и хозяина «Ленинградской Правды», за ним, разделяя его идеи, шла вся тамошняя правящая верхушка.

Подрыв правого коммунизма шел не только со стороны его противников в самом СССР. Очень его компрометировали похвалы **извне** от эмигрантов-сменовеховцев. Среди них особенное впечатление производили похвалы проф. Устрялова, тем более, что он принимал октябрьскую революцию, как неизбежное и необходимое историческое событие и о вожде октябрьской революции восторженно писал: «Ленин наш, Ленин подлинный сын России, ее национальный герой, рядом с Димитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным, Толстым». В вышедшей в Харбине в 1925 году книге «Под Знаменем Революции», Устрялов указывал, что русская революция, пройдя весь предназначенный ей цикл изменений, подошла к стадии, когда уже обнаруживается ее объективный исторический **конечный** смысл: под покровом коммунистической идеологии слагается новая **буржуазная демократическая Россия** с «крепким мужиком» в качестве центральной фигуры. К власти, писал Устрялов, мы, сменовеховцы, в отличие от Милюкова, не стремимся, но «мы хотим, чтобы русский мужичек получил все, что ему полагается от наличной революционной власти». Аграрные мероприятия правых коммунистов вызывали у него высокую оценку. Он видел в них

«новую волну здравого смысла, гонимую дыханием необъятной крестьянской страны». О неизбежности перерождения коммунистического строя в строй буржуазный Устрялов начал писать тотчас же после введения НЭПа и Ленин в апреле 1922 года на XI съезде партии по этому поводу говорил:

«Такие вещи, о которых пишет Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращение всяких сортов. Враг говорит классовую правду, указывая на опасность, которая перед нами стоит. Поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно чья возьмет».

В 1925 году, вспоминая слова «Ильича», противники правого коммунизма указывали, что правящая группа своим ревизионизмом, своими мероприятиями привела страну к такому положению, что мечтания Устрялова начали осуществляться.

Сменовеховская литература все же не производила того сильнейшего впечатления, которое создавали статьи в берлинском «Социалистическом Вестнике» меньшевиков, — а в 1925 году его читали не только члены Политбюро, ЦК и ЦКК, но и весьма широкий круг ответственных работников-коммунистов (и даже некоммунистов) центральных учреждений. Впечатление от его статей было тем сильнее, что анализ изменений политики СССР производили в нем не буржуазные публицисты, как Устрялов, а бывшие товарищи по партии, вооруженные ортодоксальной марксистской теорией. О том, как тогда смотрел «Социалистический Вестник» на то, что происходило в СССР, можно судить хотя бы по следующим кратким извлечениям из статей Шварца, Далина, Дана и докладной записки бюро ЦК Российской Социал-Демократической Рабочей Партии:

— «Власть поворачивается лицом к крепкому крестьянству, к кулаку. Теория классовой борьбы замещается теорией гармонии интересов крепкого хозяйства и деревенской бедноты. Деревенская администрация уже сейчас все больше попадает под влияние кулацких элементов. Курс на кулака процесс этот несомненно ускорит. Консолидация под покровом коммунистической диктатуры хозяйственно крепких элементов деревни и приспособление крепким крестьянством коммунистической диктатуры к своим нуждам, выступает со всей наглядностью».

«Возрождение капиталистического хозяйства было предпринято»

но с того момента, как выбросили военный коммунизм. Ныне буржуазия, под псевдонимом старательных крестьян, спецов, красных купцов, — объявлена полезным членом коммунистической республики.

«Весь период военного коммунизма оказался переходным не от капитализма к коммунизму, а от старого помещичье-капиталистического к новому крестьянско-капиталистическому хозяйству».

«Коммунистическая революция оказалась ничем иным, как длинным, мучительным и кровавым путем к развязыванию хозяйственных и буржуазных капиталистических отношений в России. Великий опыт Ленина потерпел решительное крушение».

«Под покровом диктатуры пролетариата происходит оформление буржуазных элементов. Советская национализированная промышленность подчинена стихии крестьянского хозяйства. В ней нет и зародыща планового хозяйства. Все более укрепляется позиция частного хозяйства, которое уже почти полностью завладело сферой оптовой и розничной торговли. Растут капиталистические фермы, аренды, применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, ростовщичество, кабальные сделки. Растет процесс политического оформления буржуазных элементов, растет их классовое сознание, растет классовая рознь между ними и пролетариатом. Наша партия полагает, что основной задачей пролетарской партии должна быть организация сопротивления против нарождающейся буржуазии. Правящая (коммунистическая) партия идет обратным путем. Она ставит ставку на кулацкое (капиталистическое) хозяйство в деревне; она допускает неограниченный рабочий день и ненормированные условия труда сельских рабочих. Она снижает налоговое бремя и предоставляет льготы частному капиталу; она допускает (правда, в ограниченных размерах) борьбу кулачества за овладение советами. Она не только не разжигает классовую борьбу в крестьянстве, но проповедует социальный мир между кулаком и безлошадниками, между хозяином и батраком».*)

Нет нужды доказывать, насколько неверны и политически вредны были цитируемые статьи, фактически бессозна-

*) Нужно ли об этом говорить, — это всем известно, — что позднее, с началом коллективизации деревни, позиция «Соц. Вестника» в этом вопросе подверглась кардинальным изменениям.

тельно направленные против ухода от военного коммунизма, против **«второго спуска на тормозах»**, — а именно он создал из 1925 года время, наиболее благополучное в жизни всех слоев населения СССР. Политический вывод авторов этих статей, конечно, отличался от выводов троцкистско-зиновьевской оппозиции, но анализ происходившего в стране у них **полностью совпадал**. Разница была в одном: «Социалистический Вестник» высказывал с максимальной резкостью то, что троцкисты и зиновьевцы говорили более смягченно. С этой точки зрения Бухарин и его единомышленники были правы, говоря, что критика оппозиции «шла дорогой вражеского меньшевизма».

Этот идущий изнутри и извне подрыв политики и взглядов правых коммунистов, заставлял их отступать от ряда сделанных ими раньше заявлений. Так, в октябре 1925 года Бухарин должен был публично отказаться от лозунга «обогащайтесь», беспрепятственно ходившего с апреля. Отрекся он и от «неудобной» фразы в статье, помещенной в «Большевике»: «мы кулаку оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись».

Сделаны были и другие уступки, — например, следующая: Пленум ЦК в октябре основательно анализировал вопросы внешней торговли. «Наше хозяйство, гласит его резолюция, все более втягивается в мировой товарный оборот и рост нашего хозяйства может быть лишь достигнут при условии максимального расширения связи с мировым хозяйством». «В области международных отношений, добавляла резолюция XIV съезда, налицо закрепление и расширение передышки, превратившейся в целый период так называемого **мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами**». О «мировой революции» правые коммунисты в 1925 году, можно уверенно сказать, **совсем не думали**. Поэтому совершенно неожиданно, как пуля из ружья, вылетела на XIV съезде в декабре директива: «держат курс на развитие и победу международной пролетарской революции». Это было сделано, чтобы **парировать** удары оппозиции, утверждавшей, что правящая часть партии, охваченная «национальной ограниченностью», стремлением «строить социализм лишь в одной стране», навсегда предаст забвению идею мировой революции.

К осени 1925 года Бухарину, как главному теоретику правых коммунистов, стало ясно, что нельзя держаться только за постановления и декларации, сделанные в апреле. Нужно создать какую-то идеологическую кольчугу, чтобы, имея ее, смелее наступать на оппозицию и в то же время, **сохраняя себя**, защищаться от обвинений в потакании «кулачеству», в «сползании с пролетарских рельс». В прениях, схожих с догматическими спорами на Вселенских Соборах о двух природах Христа, с манипуляцией марксистскими канонами и при сознательной лжи, сутуго и трусливо проявленной обеими сторонами (и оппозицией, и правыми коммунистами), такая идеологическая кольчуга и была выработана Бухариным.

Вот как она появилась. Критикуя правых коммунистов, упрекая их в искажении «классовой действительности», левая оппозиция допытывалась, признают ли они канон о «дифференциации» деревенского населения? На это правые коммунисты отвечали утвердительно, ибо Канон есть Канон. Но что он в себе заключает? По Ленину, он означал неизбежное, ничем не останавливаемое расслоение сельского населения на «бедняков, середняков и кулачество». Бедняки села и батраки большевиками всегда почитались за родных братьев рабочих городов и составляли с ними единый пролетарский класс. Все **вне их** Ленин долгое время считал мелкой буржуазией, с крайним выражением ее в виде кулаков — «вампиров, кровопийцев, пиявок, самых зверских, самых диких эксплуататоров» (см. его статью «Идем в последний бой», написанную в первой половине 1918 года). Против всей сельской буржуазии, как силы, в основе своей враждебной социализму, и были двинуты в 1918 году комитеты бедноты. Но на этой позиции Ленин не удержался и вместо насильственного подчинения середняка социализму, выдвинул другую тактику: в борьбе за социализм нужно **«нейтрализовать»** середняка. Не удержавшись и на этой позиции, Ленин вместо нейтрализации середняка выдвинул новый тезис: для построения социализма нужен под водительством пролетариата **союз** с середняком, признание «старательного крестьянина (середняка) центральной фигурой нашего хозяйственного подъема».

Около этой формулы и завязалась в 1925 году полемика, полная злобы и лжи. Наступая на оппозицию, правые коммунисты домогались от нее прямого и ясного ответа: при-

знает ли она ленинский завет о союзе с середняком и о ставке на него? Боясь открыто выступать против ленинизма, оппозиция кончиками губ отвечала: разумеется, признаем! И в этом была **ложь**, большая ложь. Внутренно, по своим издавна сформировавшимся убеждениям, вся оппозиция (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Преображенский, Пятаков и все прочие) отшатывались от мужика вообще, подобно меньшевизму, бывшему течению, партией только городских рабочих. В мелком буржуа, середняке, оппозиция, исходя из того, что он стремится к зажиточности и «по закону дифференциации» делается «вампиром-кулаком», видела опасную фигуру. Из массы делающихся зажиточными старательных середняков могла сложиться богатееющая деревня. Подняв голову, сознав свою силу, она будет противостоять городу, а в удобный момент постарается опрокинуть чуждую ей пролетарскую власть.

При таком отношении к подавляющей массе крестьянства, оппозиция боялась требуемого крестьянством расширения, установления настоящего НЭПа и, в конце концов, логически прямо подходила к старой троцкистской тезе, гласящей, что пролетариат «неизбежно войдет во враждебные столкновения с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение **только в международном масштабе на арене мировой революции пролетариата**». А это убеждение отрицало развиваемую правыми коммунистами идею возможности построения социализма в одной стране без помощи мировой революции и давало им право обвинять оппозицию в полном неверии в судьбу социалистического строительства в России.

Отвечая на удары, оппозиция, в свою очередь, стремилась добиться от правых коммунистов категорического ответа: признают ли они существование в деревне опасного для советского строя кулачества, стремящегося подчинить себе всю массу середняков?

Не смея отрицать канон «дифференциации» и неизбежно создаваемый ею слой кулаков, «вампиров, кровопийцев, самых зверских эксплуататоров», правые коммунисты отвечали: кулачество в деревне несомненно существует. Но и в этом ответе скрывалась большая и сознательная ложь. В том-то и дело, что в 1925 году, «вампиров и кровопийцев» в

деревне уже не было. Восьмилетнее управление деревни сначала комитетами бедноты, потом дикими комячейками сельских и волостных советов выжгло прежних кулаков, а новым не позволяло сложиться. Когда Калинин в статье от 22 марта 1925 года в «Известиях» заявил, что — «кулак это жупел, это призрак старого мира. Это не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, это вымирающие единицы», — никто тогда ему не возражал. Это была **суцья правда**. Но когда через полгода некий Богушевский почти повторил в «Большевике» слова Калинина, из Кремля пришел приказ свирепо накинуться на Богушевского.

Термином «кулак» все свободно оперировали, наличие опасного «кулачества» признавалось явлением неизбежным, иначе пришлось бы отрицать «закон дифференциации», но правые коммунисты знали, что кулака довоенного типа в деревне 1925 года нет, есть лишь «вымирающие единицы». А так как «кулака-вампира» все-таки надо было во что бы то ни стало найти, кулаками стали называть крестьян, имевших до революции, а после революции переставших иметь, купленные земли, или мельницу, или торговое предприятие.

Бюджетное обследование 1925 года доказало, что среди крестьян, засевавших свыше 16 десятин, была часть, производившая посевы на такой же площади еще до войны. В степной Украине этих хозяйств, сохранивших прежнюю посевную площадь, было 39%, в центральной земледельческой области — 21%, в Белоруссии — 44%, — **всех этих посеvщиков свыше 16 десятин земли стали называть кулаками**. Но что выделяло крестьянское хозяйство, сеющее свыше 16 десятин, от хозяйств с меньшим посевом? Так называемая динамическая перепись 1927 года дала на этот вопрос ответ. У хозяйств, сеющих до 2 десятин, семейный состав в среднем был из 4,3 человек, у сеющих от 2 до 8 десятин — из 5,2 человек, а у сеющих свыше 16 десятин — семейный состав в среднем на двор был 6,4 человек. Не «кровопийство», не ростовщичество, не какая-то эксплуатация бедняков, а **значительно большее число рабочих рук в семье давало части крестьянства возможность засеять большую площадь, держать больше скота, продавать больше зерна, покупать больше машин, делаться зажиточнее**. И чтобы не возникало создающееся таким образом неравенство в деревне, можно было бы прибегнуть разве к такой только мере: предписать

всем крестьянским хозяйствам иметь одинаковый семейный и рабочий состав, для чего каким-то особым образом регулировать зачатья и рождения.

Правые коммунисты ставили ставку на «старательного середняка», развивающего свое хозяйство на благо всей страны и становящегося зажиточным. В то же время партийным канонам они принуждались объявлять этого зажиточного середняка кулаком, т. е. врагом. Это драматическое противоречие правые коммунисты несомненно ощущали, в «дипломатической» форме его вскрывали, но устранить окончательно не смели. Их ревизионизм не был так смел, он не шел так далеко, чтобы опрокинуть многие каноны. И когда Бухарин бросил свой лозунг «обогащайтесь», имея ввиду не «кулака-вампира», а идущего к зажиточности середняка, он все-таки от лозунга своего был принужден трижды отречься. Рыков, указывая на то, что между кулаком и зажиточным середняком грани провести невозможно, часто говорил:

«мы черт знает, что делаем! Ведь в угоду Троцкому, Пятакову, Зиновьеву мы называем кулаком подлинного середняка, совершенно законно желающего быть зажиточным. Насколько была бы яснее и успешнее наша аграрная политика, если бы нам не мешал Троцкий и его кампания».

Лучше, чем кто-либо, драматическое противоречие понимал Народный Комиссар Земледелия В. П. Смирнов, которому работающая с ним «не покладая рук» коллегия народников во главе с проф. Кондратьевым докладывала детально обо всем, что делается в сельском хозяйстве. Принуждаемый канонами лгать и выдумывать «кулака-вампира», Смирнов указывал на «злостную эксплуатацию, кабальные сделки, практикуемое ростовщичество» — и в то же время в брошюре «Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства» писал:

«путаница в том, что к кулацким хозяйствам часто причисляют, со всеми вытекающими отсюда выводами, крепкое трудовое крестьянское хозяйство, находящееся в зажиточной части середняцкой группы». «Крик о кулаке, идет на 90% о мужике, у которого наличие мертвого инвентаря не выходит за пределы **трудового землепользования**». У нас «возможность зарождения кулачества на трудовом наделе чрезвычайно затруднена, так как владение капиталом-инвентарем не есть база для широкой

эксплуатации», а процесс накопления в деревне совершается именно в форме увеличения инвентаря.

Словом, Смирнов не видел в деревне вампира-кулака, но, боясь обвинений в сокрытии кулака и отрицании «закона дифференциации», делал вид, что он хорошо видит «вампира». Это было правило. Ему подчинялись и статистические работы того времени. Вообще говоря, эти работы стояли тогда на высоком уровне, но как только вопрос заходил о «дифференциации» и кулаке, в ход пускалась предвзятая, тенденциозная аранжировка цифр и совершенно ложные комментарии к ним.

Из всего вышесказанного уже легко себе представить, какого рода «идеологическую кольчугу» выковал Бухарин для нужд и защиты правокоммунистических идей. К Пленуму ЦК в октябре 1925 года он составил записку, в которой говорится, что партия, ведя совершенно правильную политику, выраженную в постановлениях Пленума ЦК и 14 конференции в апреле месяце, констатирует существование **двух отклонений** от этой политики. Первый уклон — это недооценка опасности, создаваемой ростом буржуазных и капиталистических элементов в городе и ростом кулачества, в результате происходящей в деревне дифференциации. Второй уклон — это недооценка середняка, непонимание возможности союза с ним, боязнь «середняка», грозящего подрывом «пролетарской диктатуры». На Пленуме ЦК в октябре дипломатично не был поставлен вопрос, какой из этих уклонов опаснее, поэтому под предложенной Бухариным двухстворчатой формулой подписались и правые коммунисты, и Зиновьев, Каменев и их единомышленники. Обе группы при этом **лгали**. Оппозиция считала, что кроме «кулацкого» никакого другого опасного уклона в партии нет, а бухаринцы полагали, что опасен совсем не «кулацкий» **несуществующий**, измышленный уклон, а только уклон «второй», грозящий срывом политики 1925 года в деревне, приводящий к уничтожению НЭПа и к практике раскулачивания.

С этим убеждением бухаринцы и пошли на XIV съезд, происходивший 18-31 декабря 1925 года. Этот съезд во многих отношениях замечателен. Состав съездов, начиная с XII, подбирался через аппарат секретариата Политбюро правившей в то время группой. Состав XIV съезда в своем подав-

ляющем большинстве тоже был подобран и состоял из «статистов», но так как им было известно, куда наверху дует ветер, появление на трибуне в качестве председателя съезда Рыкова — одного из самых больших лидеров правых коммунистов, — участники съезда «встретили стоя бурными аплодисментами, переходящими в овацию». Это уже было предвестником успеха правых коммунистов. Съезд пошел и дальше. Произошло не просто, как на 14 конференции, принятие идей правого коммунизма, а их **настоящий триумф**. Съезд заявил, что он **«целиком и полностью одобряет решения 14 конференции по крестьянскому вопросу, в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и т. д. Съезд констатирует, что только этот поворот партийной политики коренным образом улучшил положение в деревне».**

В свете последующих событий замечательно именно то обстоятельство, что глашатаем идей правых коммунистов, их главным защитником, опорой, явился Сталин с его докладом от имени ЦК. Триумф сказался в полном одобрении политики правых коммунистов и в области промышленности. Радуя за ее развитие, за превращение СССР в страну, производящую машины и оборудование, они мыслили такое развитие без крайнего напряжения, без высасывания (по Преображенскому!) средств из сельского хозяйства для непосильного стране ускоренно-максимального процесса индустриализации. Их взгляд выражен в следующей резолюции съезда: **«развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако, в строгом соответствии с емкостью рынка и с финансовыми возможностями».**

В «строгом соответствии» с этой линией правых коммунистов, Сталин и держал речь о развитии промышленности. Примитивная по форме и по части аргументации, его речь полна призывов к осторожности, сдержанности, к скупому, разумному употреблению средств, к охране «нашей валюты». Вследствие ее умеренности неприемлемая для оппозиции, она по духу своему вполне совпадала с промышленной политикой, которую вел в ВСНХ такой правый коммунист, как Дзержинский. В ней нет ни малейшего намека на директивы

в духе — «выше темпы!», которые Сталин будет лансировать, уйдя от правых коммунистов и «бешено» заражаясь идеями оппозиции. Сталин говорил:

«Мы должны быть особенно скупыми и сдержанными в деле расходов накапливаемых средств, стараясь каждую копейку вкладывать разумно. Можно было бы, например, увеличить вдвое отпуск сумм на сельскохозяйственный кредит, но тогда не осталось бы необходимого резерва для финансирования промышленности. Промышленность далеко отстала бы в своем развитии от сельского хозяйства, выработка фабричная сократилась бы, получилось бы вздутие цен на фабрикаты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно было бы положить вдвое больше ассигновок на развертывание промышленности, но это был бы такой быстрый темп развития промышленности, которого мы бы не выдержали, ввиду большого недостатка свободных капиталов. Мы наверно сорвались бы, не говоря уже о том, что не хватило бы резерва для кредитования сельского хозяйства. Можно было бы двинуть вперед развитие нашего импорта, главным образом, импорта оборудования, вдвое больше, чем это имеет место теперь, чтобы бешеным темпом двинуть развитие нашей промышленности, но это могло бы вызвать превышение ввоза над вывозом, образовался бы пассивный торговый баланс, была бы подорвана наша валюта, т. е. была бы подорвана та основа, на почве которой только и возможно планомерное развитие промышленности. Можно было бы, не глядя на это, двинуть вперед экспорт во всю бешеным темпом, не обращая внимания на состояние внутреннего рынка, но это обязательно вызвало бы большие осложнения в городах в смысле бешеного поднятия цен на сельскохозяйственные продукты и подрыва, стало быть, заработной платы. Можно было бы поднять во всю заработную плату рабочих не только до довоенного уровня, но и выше, но это вызвало бы понижение темпа развития нашей промышленности, ибо развертывание промышленности при наших условиях, при отсутствии займов извне, при отсутствии кредита, возможно лишь на основе накопления некоторой прибыли, необходимой для финансирования и питания промышленности. А это было бы исключено, т. е. было бы исключено сколько-нибудь серьезное накопление, если бы темп подъема заработной платы был взят нами чрезвычайно ускоренно».

Оперируя бухаринской формулой о двух уклонах, Сталин и в этой острой области выступил прямо с защитой взглядов правых коммунистов:

«Говорят о кулацком уклоне в партии. Это глупо. В партии не может быть кулацкого уклона, а есть лишь уклон в преуменьшении роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне, в замазывании кулацкой опасности. Но есть и **второй уклон**, состоящий в **раздувании роли кулака** и вообще капиталистических элементов в деревне, в панике перед этими элементами, в отрицании того, что союз пролетариата и бедноты с середняком возможен и целесообразен. Какой уклон хуже? Оба хуже, но если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, к тому, чтобы раздеть кулака или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего более подготовлена к лозунгу — бей кулака! **Дай только и мигом разденут кулака**. А вот что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так легко переварить. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов, **партия все же должна сосредоточить огонь на втором уклоне** (аплодисменты). Этот второй уклон ведет к **разжиганию классовой борьбы** в деревне, к возврату к **комбедовской** политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, **гражданской войны** в нашей стране, и таким образом, к **срыву всей нашей строительной работы**».

В декабре 1925 года, как и в мае и июне, Сталин, как видим, продолжал выступать, вместе с Бухариным, против «разжигания классовой борьбы», против «гражданской войны» значит, за гражданский мир.

Не будем останавливаться на том, что говорили на съезде Зиновьев, Каменев и их подручные из ленинградской оппозиции. Самое существенное в их речах мы уже изложили. Вся оппозиция слушала с крайним раздражением призывы Сталина открыть огонь по оппозиции, как самом опасном уклоне. В этом она видела новую победу правых коммунистов. Ближайшей целью оппозиции было свергнуть, уничтожить в Политбюро подавляющее влияние Бухарина, Рыкова, Томского и идущего за ними Калинина. Сталин отбил эту атаку, категорически объявив:

«Без Рыкова, Бухарина, Томского, Калинина, Молотова руководить партией невозможно».

Самой одиозной фигурой для оппозиции был, конечно, Бухарин, на него она направляла главные удары. «Вы, очевидно, воскликнул Калинин, крови Бухарина хотите, производя жестокий его обстрел, желая свести на нет одного из крупнейших авторитетов нашей партии». Подхватывая слова Калинина, Сталин наступал на оппозицию:

«Почему продолжается разнузданная травля тов. Бухарина? Они требуют крови Бухарина. Именно этого требует Зиновьев, заостряя вопрос о Бухарине. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте».

Эти слова были покрыты аплодисментами и полным одобрением. А Рыков, с целью показать ценность и теоретическую прозорливость Бухарина и еще более реабилитировать его от какой-либо склонности к кулацкому уклону, счел нужным выступить со следующим дифирамбом по адресу Бухарина:

«Я хочу о тов. Бухарине сказать, что первый, кто у нас в партии установил существование двух уклонов и их опасность, был именно тов. Бухарин. Наличие их он установил уже тогда, когда еще никто об этом не говорил. Он определил их наличие в своей речи на 14 конференции».

Рыков и Бухарин в кулацкую опасность совсем не верили. Поэтому дружеское сообщение Рыкова о Бухарине нужно принять с огромной поправкой. В заключение несколько выдержек из речи на съезде Каменева:

«Скажите мне, может ли ЦК стать на линию Бухарина, согласен ли ЦК с линией Бухарина? Я утверждаю, что нет в ЦК и не было до последнего заседания человека, который сказал бы: лозунги, даваемые Бухариным, толкование середняка, даваемое школой Бухарина, толкование общей опасности, будто бы стоящей перед партией в смысле срыва НЭПа, — что все это правильно. Я говорил т. Сталину — не похоже на то, что бы ты был согласен с этим, но когда т. Сталин выходит и делает из своего доклада директивный вывод — **огонь по этой**

стороне, я тогда должен сказать, что ошибался. Видимо, внутреннее соглашение т. Сталина с этой политической линией гораздо более, чем я мог предположить. Если лозунг «обогащайтесь» мог в течение полгода ходить по нашей партии, то виноват в этом Сталин. Я спрашивал его: ты согласен с этим лозунгом? Нет, не согласен. Почему же ты мешаешь партии ясно и точно опровергнуть этот лозунг».

Свою речь Каменев закончил таким заявлением: во-первых, «мы против того, чтобы создавать теорию вождя и, во-вторых —

наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб. Если бы партия приняла определенную политическую линию, ясно отмежевывая себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает ЦК, то этот вопрос не стоял бы сейчас на очереди. Я говорил это т. Сталину лично, неоднократно говорил группе товарищей ленинцев и повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что т. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистской партии».²⁶⁾

На слова Каменева съезд ответил грандиозной овацией в честь Сталина, т. е. бурно выраженным признанием, что он и есть настоящий объединитель и руководитель партии. Но ведь Сталин выступал на съезде, именно как выразитель, защитник, глашатай идей правого коммунизма.

Значили ли эти овации по адресу Сталина возможность продолжения, распространения, укрепления влияния правых коммунистов? Нет, так как вскоре произошло нечто, чего, казалось бы, нельзя было ожидать. После разгрома на съезде, и особенно после него, Зиновьева, Каменева и их единомышленников, которые вслед за этим бросились к Троцкому, чтобы создать объединенную оппозицию, начался отход Сталина и подобранного им ЦК от идей правых коммунистов. Начался постепенный отход от НЭПа и возвращение к духу

²⁶⁾ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 269-273.

и системе военного коммунизма, т. е. туда, куда и клонила разбитая оппозиция. «Пес возвратился на свою блевотину».

Триумф правых коммунистов на XIV съезде, в этом финальном моменте 1925 года, оказался их **последним триумфом**. Ревизионизм Бухарина и его единомышленников был пресечен, а потом и полностью задушен. И начавшийся здоровый эволюционный процесс сменила другая «столбовая дорога».

Н. В. ВАЛЕНТИНОВ

Автор этой брошюры Н. В. Валентинов, во время, о котором он пишет, был фактическим редактором «Торгово-Промышленной Газеты», органа ВСНХ. Выполняя свои обязанности, он близко общался с целым рядом лиц из правившей тогда верхушки — с Рыковым, Дзержинским, Пятаковым, Бухариным, Кржижановским, Каменевым, Томским и многими другими. Поэтому ему хорошо известны как настроения правивших тогда кругов, их взгляды и убеждения, так и формирование «доктрины правого коммунизма», о которой он пишет в своей брошюре, и условия, в которых эта «доктрина» развивалась, а затем была подавлена и уничтожена Сталиным и его приверженцами.

Возможность общения с верхами КПСС тех времен Н. В. Валентинову давало его прошлое: до 1905 года он сам был большевиком; в течение 1904 года он, по выражению Крупской, пользовался особым «благоволением» Ленина.

О том, что было 35 лет назад, и коммунисты, и беспартийные в Советском Союзе имеют смутное представление. Им даже запрещается знать это прошлое. Но имя Валентинова в последние годы появилось на страницах коммунистической печати, в связи с резкими нападками на его книгу «Встречи с Лениным», — об этой книге писали в журналах «Вопросы философии», в «Истории СССР», «Вопросах литературы», в газете «Комсомольская правда».

Книга и статьи Валентинова в «Новом Журнале» вызвали ярость также редакции «Литературного наследства» (том 67). Называя авто-

ра «бывшим меньшевиком, а затем контрреволюционером и эмигрантом», «Литературное наследство» заявило, что Валентинов «извращает труды и учение Ленина, обливает его грязью, делает грубые выпады против советского строя и коммунистической партии». Однако, журнал ни слова не пишет о действительных взглядах автора и не пытается доказывать, что он «извращает учение Ленина»: как всегда в таких случаях, и этот журнал ограничивается руганью, не критикуя автора, а по существу лишь приказывая его не читать.

Н. В. Валентинов остается социалистом; о его взглядах дают некоторое представление как эта брошюра, так и статья в первом номере альманаха «Мосты» — «75-летие со дня смерти Карла Маркса».

ZOPE, München 19, Renatastraße 77, Telefon 6 90 25
ZOPE, Berlin W 30, Martin-Luther-Straße 88, Tel. 24 77 80

Druck: Georg Butow, München 5, Kohlstraße 3 b, Tel. 29 51 36